Черно-белая война

Автор:
Игорь Ковальчук

Черно-белая война

Игорь Ковальчук

Бессмертные #2

Белая и черная магия – два разных принципа работы с энергией. И война черных и белых магов – отнюдь не борьба добра со злом. Хорошие парни есть и на той, и на другой стороне, но беда в том, что порой они становятся орудием в руках плохих парней.

Причины нападения черных магов на клан Мортимеров, один из кланов бессмертных людей мира Асгердан, в просторечии – Центр, неочевидны. Мало кому известно, что это лишь начало напастей, готовых обрушиться на клан. И вина всему – предательство тех, кто должен стоять на страже закона.

Магия и высокие технологии – сочетание, позволившее клану Блюстителей Закона начать первую в истории Центра Генетическую программу – программу выведения идеальных бессмертных людей, будущих великолепных магов и воинов. Но эта же программа должна принести клану Блюстителей Закона абсолютную власть...

Игорь Ковальчук

Черно-белая война

Глава 1

Возвращаясь из далекого мира, где ему обещали богатые залежи магических камней, да оказалось иначе, Рикардо был принужден пользоваться не прямыми вратами, а десятком порталов, каждый из которых доставлял его в ближайший на тот момент мир. Подобное путешествие напоминало ему игру в морской бой – бьешь наобум в надежде, что все-таки попадешь в точку. В астрологии Рикардо смыслил лишь настолько, насколько необходимо, чтоб сдать на третий уровень, расчетов делать не мог, и оставалось лишь надеяться, что нужный мир появится раньше, чем иссякнет артефакт.

Если бы он не использовал напрасно заранее заготовленный артефакт на возвращение, то и не оказался бы в таком идиотском положении. Досада терзала Рикардо с такой силой, что ему хотелось вцепиться зубами в собственный башмак. Подвеска, которая осталась у него и была рассчитана на порталы в ближайшие миры, тоже небесконечна, заряжать ее необходимо на источнике, а до источника еще добраться надо.

Он остановился на берегу какой-то неведомой реки, в тропической жаре и влажности, которая душила его, как рука врага, по колено в воде. За его спиной и впереди, по ту сторону реки, вздымались к небу огромные раскидистые деревья, мощные ветви которых были опутаны зеленеющими лианами, и самыми тонкими, и самыми толстыми, которые, наверное, могли бы выдержать даже тяжесть человеческого тела. Влажность была такова, что он мгновенно взмок, по лицу заструилась влага, слиплись волосы. Рикардо был огненно-рыж, белокож, с редкими веснушками на носу, голубоглазый – самый настоящий северянин. Он ненавидел жару, и тем более – влажную жару. Потоптался было, выискивая местечко посуше, но обнаружил, что у его ног задумчиво плавает змейка, и замер неподвижно. Проверять, ядовитая она или безвредная, не хотелось.

Маг лихорадочно схватился за артефакт и переместился, не обращая внимания, куда именно его перемещает. Да и какая разница, если стоишь по колено в воде, если твои ступни втягивает в зыбкий ил, если у колен уже снует змейка и неизвестно, когда ей придет в голову ужалить. Переместившись, Рикардо первым делом обтряхнул мокрые штаны от водяной растительности, стряхнул с ткани воду, какую смог, с сожалением осмотрел испорченные ботинки и лишь потом огляделся.

Он стоял посреди свалки. Как только он понял, что вокруг него – гигантские горы мусора, тут же почувствовал и вонь, наполнявшую воздух. Вернее, слово «вонь» ни в какой степени не передавало чудовищное амбре, наполнявшее воздух. От запаха у Рикардо мгновенно заболела голова, но согнулся, и его вырвало. Спазмы желудка были мучительны, но как только он разогнулся и вдохнул, все та же дикая вонь снова опалила его ноздри и все повторилось снова.

Тошнота прекратилась лишь тогда, когда организм убедился, что в желудке не осталось ни крошки чего-либо съестного. Последние минуты несчастного мага рвало одним желудочным соком, а когда эта мука наконец прекратилась, он схватился за горло – его драло так, будто Рикардо умудрился незаметно проглотить ежа. Одновременно молодой человек убедился, что перестал чувствовать запах, будто его и не было. Конечно, даже теперь воздух нельзя было назвать свежим, но от него, по крайней мере, не тошнило.

Справившись с собой, маг торопливо поднес к глазам подвеску и с ужасом убедился, что в артефакте осталось последнее заклинание. Самое последнее, и неоткуда будет взять еще одно. Рикардо схватился за голову и со стоном согнулся. Он не представлял, что здесь еще можно сделать, кроме как, все же потратив время на астрологические расчеты, переместиться не наобум, а точно в нужный ему мир, когда тот окажется рядом…

На это могут потребоваться сутки или даже больше времени. Бог его знает, какие тут облака. Но оставаться здесь – немыслимо…

Намотав цепочку подвески на кулак, Рикардо принялся взбираться на одну из гор мусора. Увязая по колено в отходах, он все-таки лез, потому что предполагал, что уж с вершины этого «холма» увидит, где тут поблизости нормальный чистый лес или хотя бы город. Подобную мерзость оставляют за собой только люди. Кому ж еще?

Он сумел вскарабкаться наверх, но с вершины «благоухающей» груды, немного напоминающей пирамиду, не было видно ни леса, ни даже просто одиноко стоящих деревьев – только мусор и обломки, остов разрушенного завода, а вдали – призраки домов, останки какого-то города. В другую сторону тянулась пустыня, заваленная все тем же мусором, и дальше – неровная гряда то ли гор, то ли все тех же развалин. Зрелище, от которого у Рикардо перехватило дыхание.

– Это ж как надо было засрать мир! – ахнул он и закашлялся. Слишком много всяческой гадости висело в воздухе.

Что ж, выбор перед магом стоял небогатый. Переместиться наобум и попасть, быть может, в мир еще похуже, чем этот (Рикардо убеждал себя, что хуже не бывает, но в глубине души-то прекрасно понимал – бывает, очень даже бывает) или остаться здесь и провести все необходимые астрологические расчеты. Он выбрал второе. Неглубоко вздохнул (глубоко вздыхать он опасался) и направился в сторону завода, надеясь, что там найдет если не еду и питье, то хотя бы местечко почище. Умереть от голода или жажды он не боялся – магия всегда спасет его.

Уже через полсотни шагов он горько пожалел, что, уходя из дому, обул ботинки, а не сапоги. Он даже точно вспомнил, как они выглядели – черные, кожаные, на славу зачарованные от воды, отделанные замшевой тесьмой по голенищу. Удобные, с подошвой, которую не оттоптать, даже если по мечам будешь ходить… Рикардо очень пожалел, что одет чересчур хорошо – в этих краях больше подошел бы брезентовый комбинезон, а он в брюках и белой рубашке под щегольской черной курткой…

Рассуждения о том, что ему хотелось бы сейчас иметь при себе, помогли магу немного отвлечься, и он сам не заметил, как довольно далеко отошел от огромной кучи мусора, рядом с которой вывалился из телепорта. Остальные груды, встречавшиеся ему по пути, были не так грандиозны. Добравшись до очередной пирамиды отходов повыше, он принялся карабкаться на нее, оскальзываясь и спотыкаясь. Подняв голову, он заметил, что в воздухе парят какие-то точки, должно быть, птицы, но, присмотревшись, не смог узнать их, и даже засомневался – а птицы ли это. Ему стало не по себе. Шляться по чужому, такому неблагополучному миру опасно.

С вершины «горы», как оказалось, опять ничего толком не видно, только остов завода стал чуть больше, и Рикардо подивился тому, насколько огромно было это строение. Должно быть, просто завод-гигант, не хуже, чем в системе Центра, в мире под названием Технаро. Он не понимал, что так лишь кажется, потому что развалины теперь стоят на открытом пространстве, если таковым можно считать грандиозную помойку.

Оступаясь, оскальзываясь, больше всего боясь грохнуться, потому что тогда отмыться от гнили и прочей гадости будет уже невозможно, Рикардо спустился с холма и остановился, размышляя, стоит ли передохнуть, прежде чем идти дальше, и если да, то где и как.

И тут на него верху обрушилось что-то тяжелое, повалило лицом вперед, прямо в мерзкую жижу, разноцветную грязь и гниль. Накрепко стиснуло ему шею сзади. «Ё-мое»! – успел подумать маг. Для того чтоб активировать защитный артефакт, нужно хотя бы сообразить, что это необходимо. Но гораздо раньше, чем Рикардо успел вспомнить о магии, над ним раздался тонкий голос: «Не шевелись!», потом звук удара, хруст, еще один удар, и по шее потекло что-то липкое и мерзкое. «Интересно, это моя кровь или нет»? – пришло в голову горе-путешественнику. Хватка на шее ослабла.

– Ну, вставай, чудик! – прозвучал веселый детский голос.

Рикардо принялся вставать. Это удалось ему лишь после того, как он скинул с себя остатки того, что на него напало. Сперва мужчина не мог понять, что это такое, потом осознал – огромная тварь, измазанная фиолетовой кровью, мясисто-красная в разрубах, больше всего на свете напоминает жука, только поистине огромного и с десятью лапами. «Как он только в них не путается? Жуть какая…»

Лишь после этого маг посмотрел на своего спасителя.

У существа, которое стояло перед ним, невозможно было на глаз определить ни возрастных, ни половых признаков. Нечто грязное, обмотанное тряпками, с всклокоченными волосами, которые на макушке были выстрижены в «ежик», а по бокам свисали длинными прядями… Только глаза видны ясно – два чистых озерца, такие яркие – с трудом верилось, что это естественный цвет. Глаза – единственные островки чистоты на толстой корке грязи, покрывающей существо с головы до ног.

Оно смотрело на Рикардо с любопытством.

– Ты что, совсем свихнулся? – весело поинтересовалось оно. – Ходить в таком виде по этим местам? Без нашейника? Ты из какой деревни?

Маг попытался отряхнуть одежду, но грязь под ногами была жидкая, и он, повалявшись по луже, успел промокнуть насквозь. Должно быть, теперь он вонял не хуже мусорной кучи, только не чувствовал запаха. Впрочем, теперь Рикардо быстро успокоил себя. Вспомнив наконец о магии-помощнице, он одним заклинанием очистил одежду и тело.

– Ого! – воскликнуло существо. – Ты даешь…

– Ты кто? – спросил Рикардо, морща тонкий нос. – Ты мальчик или девочка?

– А это так важно?

– Ну как же… С девочками и мальчиками беседуют по-разному.

– Я – Спиногрыз! – представилось существо.

– Ага, значит, все-таки мальчик. – Маг попытался магией укрепить ботинки. – Спасибо тебе. Ты меня спас.

– Да ладно. Все должны помогать друг другу. Иначе не проживешь… Так из какой ты деревни?

– Я не из деревни, – рассеянно ответил Рикардо, ежась в своей тонкой куртке. В этом несчастном мире быстро поднимался вонючий ветер, и стало холодно. Бледное слабое солнце клонилось к горизонту. – Я из другого мира… – Он вдруг спохватился: – Ты вообще знаешь, что есть и другие миры?

– Знаю, – серьезно ответил Спиногрыз. – Мама рассказывала. Она говорила, что и сама родом из другого мира.

– Из другого? Неужели ее родной мирок еще хуже, чем этот, что она решила поселиться здесь?

– Да ладно! – вдруг разгневалось чумазое существо. – Ладжер – прекрасный мир!

– Это место называется Ладжер?

– Ага. – Спиногрыз задумчиво смотрел в небо. – Вообще-то лучше отсюда убраться, а то всякое может быть.

Рикардо тоже машинально поднял голову. Точек в небе стало больше

– Хм… – Он прочистил горло. – Да, пожалуй. Слушай, не отведешь меня к развалинам?

– К заводу? – Чумазый подросток (теперь магу стало ясно, это именно подросток, лет двенадцати-тринадцати). – А тебе туда зачем?

– Ну думаю, там почище, чем здесь.

– Тебе не стоит туда ходить. – Спиногрыз смотрел на собеседника очень серьезно. – Не стоит.

– Это почему?

– Потому что там опасно. Я туда на ночь глядя точно не пойду. Да и днем тоже. И тебе не советую. Съедят.

– Кто?

– Кто-кто… Мутанты. Давай лучше ко мне. Тут недалеко.

Рикардо вдруг понял, что больше всего на свете он хочет пить. Синтезировать воду он не умел, только очищать ее или дистиллировать, в крайнем случае – вытягивать из почвы. Но из этой почвы вытягивать воду не хотелось. А у местного жителя должна быть хоть какая-то вода, пусть грязная и радиоактивная и, главное, куда-нибудь налитая. Кроме того, можно будет попросить поесть. Если перед магом окажется хоть какое-то съестное, его легче будет изменить в пристойную еду. Органические соединения преобразовывать проще, чем работать с неорганическими.

Ведь как-то они существуют на этом помойке, не мусором же они питаются.

До хижинки Спиногрыза пришлось пробираться обратно по мусору. Усталый и раздраженный Рикардо плелся за чумазым подростком, то изумлялся его выносливости (мальчонка щуплый, в чем душа держится, а как прыгает), то злился. Злость немного успокаивала. Уже не раз и не два у мага появлялась мысль присесть или прилечь – отдохнуть, но он смотрел под ноги и немедленно отказывался от идеи. Даже смотреть вниз было противно и страшновато.

Хижину Спиногрыза он сперва не опознал как жилище – так, еще одна груда отбросов. Но потом мальчишка ухватился за какой-то выступ, дернул – и перед Рикардо открылась дверка. Из темноты, похожей на узенькую и низкую темную пещерку, пахнуло странной смесью запахов, но, поскольку мужчина уже успел притерпеться к вони, наполнявшей Ладжер, ему запахи не показались неприятными. Слабо тянуло жареным мясом, дымком, землей и влагой. В мире, полном отбросов, подобный запах упоителен.

– Подожди, – сказал Спиногрыз. – Сейчас, зажгу огонь.

Он исчез в темноте жилища. Потом оттуда донеслись его пыхтение и голос:

– Ты… Это… Осторожнее, ладно? Смотри кругом, вдруг кинется.

– Кто?

– Да мало ли кто. Жук, гусеница, богомол… Мутант.

Рикардо вспомнил жука, приземлившегося ему на шею, и испуганно заозирался. Ночь опускалась на Ладжер со стремительностью падающего театрального занавеса, и вскоре вокруг стало совсем темно. «Интересно, какого тут размера богомолы?» По правде говоря, ему было совершенно неинтересно. Лучше бы и вовсе не видеть. Он торопливо окружил себя магической защитой и ненадолго успокоился. Но потом вспомнил, что некоторые насекомые и животные, мутировавшие под действием радиации, приобретают определенный иммунитет и к магии, и похолодел.

Но, к счастью, из-за приоткрытой двери потянуло дымком, и хижинка озарилась сперва совсем слабыми, а потом и довольно яркими бликами живого огня. Маг с облегчением нырнул внутрь, совсем забыв о том, что при помощи своих заклинаний без труда мог осветить убогое жилище, и захлопнул за собой

хлипкую дверь.

Впрочем, нет, дверь лишь казалась хлипкой. Рикардо смутно разглядел, что снаружи она плотно облеплена мусором – должно быть, чтоб не выдать постороннему глазу жилище – и, похоже, довольно надежна, хоть и не толста. В хижине не было окон, лишь маленький дымоход, и, как ни странно, довольно чистая и уютная обстановка. Чтоб попасть в единственную комнатушку, мужчине пришлось спуститься по нескольким ступенькам, выложенным кусками то ли пластика, то ли шершавой керамики.

У жилища, как ни странно, был земляной пол – в первый раз с тех пор, как оказался на Ладжере, Рикардо увидел землю. Настоящую землю, только утоптанную и кое-где устланную обрывками паласов, тщательно почищенных и довольно презентабельных. Лежанка, конечно, там имелась только одна, но зато ухоженная. При одном взгляде на нее маг вдруг вспомнил, что он хочет не только пить, но и спать. И именно на этой лежаночке, хотя после груд мусора снаружи его устроил бы даже земляной пол, застланный рваным половиком.

Помимо лежанки в хижине имелся столик, полочка с кое-каким скарбом, коробка – должно быть, с одеждой и другими полезными тряпками – и очаг. Очаг оказался самый примитивный, просто круг выжженной почвы, окруженный камнями, черными от копоти, но огонь там горел исправно. Дым тянуло под колпак вытяжки, аккуратно, хоть и без большого умения склепанный из листового железа. Должно быть, вытяжка переходила в трубу, выход которой каким-то образом был пристроен снаружи, в отбросах.

– Ну как? – спросил Спиногрыз, с торжеством глядя на спутника. – Как?

– Уютно, – поневоле признал Рикардо. – Приятно.

– Еще бы. Здесь даже моей маме нравится. А у нее очень особенный вкус.

– Где твоя матушка? Она тоже где-то здесь? – спросил маг, шаря взглядом по стенам хижины – вдруг он пропустил какую-нибудь незаметную дверку в соседнюю комнатушку.

– Как она может быть здесь, – прыснул подросток. – Я же не храню маму в коробке.

– Ну я думал, вдруг еще одна комнатушка есть…

– Хе… Зачем она мне? Я тут один живу.

– А почему живешь один? Не в деревне? – Рикардо припомнил свой разговор с подростком и забросил вопрос наобум.

– Я тут охочусь на ежей, – важно ответил Спиногрыз.

Рикардо сел. Прямо на лежанку, которая совершенно случайно оказалась у него за спиной.

– Здесь водятся ежи?

– А то как же! Именно здесь и водятся.

– Это такие небольшие, фыркающие, в мелких иголках? – решил уточнить маг.

– Хе… Не такие уж небольшие. И иголки крупные. Но в целом все верно.

– А зачем ты на них охотишься? На суп?

– Что такое суп? А, похлебка… Ну да. Ежи целебные. Полезные. От желудка. Остальное тоже в дело идет – из шкуры ботинки, иголки тоже по назначению. Ну и… Да я покажу! – и, не дожидаясь согласия или отказа, полез в угол, выволок оттуда мешок. Открыл его.

Еж больше напоминал мохнатого таракана с выпученными глазами и усами, завернутыми в колечки. От него явственно потягивало радиацией – это Рикардо уловил, уже неосознанно добавив к защитному заклинанию еще и заклятие «счетчик Гейгера». Впрочем, радиация была странная, будто бы переработанная. От Спиногрыза, кстати, потягивало такой же. «Да это противорадиационный еж! – догадался маг. – Они едят его мясо, чтоб очиститься от опасной радиации. То, во что еж или его мясо, преобразуют рентгены, видимо, для них безвредно, притерпелись уже».

– Я сейчас тебя угощу, – хлопотал подросток. – Ежа тоже поедим. Это полезно для здоровья. Он хоть и неделю назад пойманный, еще свежий. – И, умело распоров брюхо игольчатого существа, парнишка выкроил из-под шкуры кусочек мясца. Сунул его под нос опешившего Рикардо.

Мясо действительно пахло свежатиной. «Ни фига себе тут радиационный фон. Даже микробы перемерли. Как тут только люди живут…»

– Еще бабочкой могу угостить, – предлагал гостеприимный ладжерец. – Отличное мясо. Первосортное.

– Кхм… – Мужчина прочистил горло. – Не надо, спасибо. Я не ем насекомых.

– Да брось. Отличное мясо. Сырым вкуснее всего. Ну а шашлычки из бабочек – это на любителя. Есть, конечно, и те, кому горелое нравится больше.

Рикардо представил себе бабочек, нанизанных на шампур.

– Ну не знаю, – неуверенно протянул он.

– Попробуй! – И подросток сунул ему под нос кусок хитиновой оболочки с ломтем мяса на нем, будто на подносе. Кусок то ли прилип, то ли просто лежал. Магу стало дурно, и он думал теперь лишь о том, как бы отказаться и притом не обидеть.

– Э-э… Я не привык есть сырое мясо.

– Ну вот, – набычился Спиногрыз. – Я ведь от всей души…

– Да я понимаю. Спасибо…

– Кто же варит бабочек? Зачем их варить? Их так едят. Но если уж хочешь непременно приготовить его – вот тебе прут. Жарь над огнем.

Теперь отказаться было и вовсе немыслимо. Рикардо неуверенно отскоблил мясо от хитина, насадил на прут и повесил над углями. Прежде чем сунуть кусок в рот, он несколько раз очистил его магией от всевозможной гадости, вроде

тяжелых металлов и радиации. Как ни странно, мясо на вкус оказалось довольно приятным. Правда, оно отдавало дистиллятом, но ничего удивительного, раз заклинание стерилизовало его, как только могло. Уж лучше пожертвовать вкусом, чем потом долго лечить себя от какой-нибудь лучевой болезни.

Еж тоже оказался довольно вкусным, хотя, вычищенный от всяческих примесей, стал совершенно безвкусным. Рикардо показалось, что он жует мягкое сено. Впрочем, нет, сено не безвкусно, оно пахнет июньским ветром и соками земли… Мужчина с тоской вспомнил сперва луга на острове, где стоял его замок, а потом и родной Центр. Как там было хорошо…

– Слушай, я поживу у тебя несколько дней, идет? – спросил Рикардо, не уверенный, что завтра же или послезавтра ему удастся установить координаты мира, в котором находится. Возможно, это потребует больше времени, чем он предполагал сначала.

– Конечно, – заверил Спиногрыз, облизывая пальцы. – Я буду рад. Ты ведь расскажешь мне о других мирах, а?

– С удовольствием, – неуверенно согласился маг. Он даже предположить не мог, с чего бы ему начать. Как описать нормальный мир тому, кто, кроме помойки, ничего в своей жизни не видел? – Э э… Я родом с Черной стороны. Ты знаешь, что такое черная магия?

Глупый вопрос. Конечно, он не знает. Откуда ему знать…

– Мама мне рассказывала, что такое магия, – серьезно ответил подросток. – А еще говорила, что есть маги черные и белые. И они будто бы отличаются не цветом и не характером, а просто силой.

– Верно. Название очень условно. Оно не говорит ни о чем, кроме как о том, что маги того и другого типа очень сильно отличаются друг от друга. Они – две противоположности. Впрочем, это долго объяснять. Так вот все множество миров делится по признаку «миры Черной стороны» и «миры Белой стороны». Я – с Черной.

– Ты – черный маг?

– Именно.

– И много ты можешь?

– Не слишком. – Рикардо поморщился. – Если б я мог много, я б не застрял здесь. Поставил бы портал, и все. Но придется задержаться, чтоб выяснить, где именно сейчас находится мир, в котором я живу.

– А о Белой стороне ты не можешь рассказать?

– Кое-что могу. Я когда-то жил там.

– Правда?.. – Глаза у Спиногрыза вспыхнули. – Вот бы мне хотелось увидеть. Наверное, там куча диковин.

– Да, хватает.

– А магия – это сложно?

– Ну… Пожалуй, да. Зависит, конечно, от личных возможностей человека, от его способностей. Но всему на свете можно научиться – так говорит мой наставник.

– И меня ты мог бы научить?

– Кхм… Зачем тебе это? Учиться долго, да и результат заметен далеко не сразу. Сперва кажется, будто уйму усилий прилагаешь к тому, что не дает практически никаких результатов. В течение долгого времени единственная магия, которая тебе доступна – это возможность видеть. Только видеть, что вокруг присутствуют энергии.

– И здесь присутствуют энергии? – Подросток загорелся интересом.

Рикардо машинально ввел в действие заклятие магического зрения. Огляделся.

– Да это же мир Белой стороны! – воскликнул он. – Вот так-так…

Спиногрыз смотрел на своего гостя зачарованно.

– Возьми меня в ученики, а? – попросил он.

– Брось. Ну зачем тебе эта головная боль? Много усилий, а толку чуть.

– Это же интересно! Я буду стараться.

– Я же не смогу взять тебя с собой.

– Почему?

– Ну… – Рикардо лихорадочно соображал, что бы сказать такое, более или менее правдоподобное. – Ты же с Белой стороны. Ты не сможешь жить на Черной.

– Почему? Запрещено?

– Не запрещено, но… Людям с Белой стороны у нас неуютно. Плохо.

– Я потерплю.

– Это может стать просто опасно. Для тебя, для твоей жизни.

– Но я готов рисковать! Ну пожалуйста…

Рикардо замолчал лишь потому, что был уверен – переубедить своего собеседника он не сможет. Само собой, из такого мира, как Ладжер, мальчишке, наверное, хочется выбраться куда угодно. Это по-человечески понятно.

– Хорошо-хорошо, – нетерпеливо ответил он, понимая, что другим способом не отвяжется. Все равно в конечном итоге он не собирался никуда забирать ладжерца. Тот уж привык здесь. На Черной стороне ему делать нечего.

Они улеглись спать на одной лежанке. От подростка, как ни странно, пахло вполне терпимо, будто он мылся не реже, чем сам Рикардо. Это, конечно, было невозможно, потому что в хижине у Спиногрыза воды оказалось меньше

трехлитровой банки. Рикардо пил эту воду опасливо, предварительно очистив ее чарами. От обильного использования магии он предельно устал, его мутило, и даже на убогом ложе, убранном кое-как и, уж конечно, одеялами и покрывалами, которые никто и никогда не стирал, он спал очень сладко. «Благо хоть, что тут, на Ладжере, нет ни магов, ни источников Белой силы, иначе б просто загнулся», – подумал он перед тем, как отрубиться.

Наутро, впрочем, Ладжер показался магу еще более отвратительным. Теперь он уже не пользовался чарами направо и налево, смирился и с сомнительным мясом, и даже с водой – радиацией от нее, по крайней мере, не тянуло. Спиногрыз мельтешил вокруг Рикардо, но не слишком-то мешал и принимал самый церемонный вид. Он все настаивал на том, чтоб маг давал ему уроки, но зато принимал на себя все хозяйственные дела – разводил огонь, готовил еду, раздобывал воду. И в какой-то степени в благодарность маг стал рассказывать своему «ученику» кое-что о том искусстве, которое позволяло ему подчинять себе пространство.

Днем, разумеется, никаких астрологических расчетов Рикардо сделать не удалось. По небу, затянутому нездоровой дымкой, ходило самое обычное солнце, и ходило оно именно так, как должно было это делать в канун Венца Лета, самого главного праздника сезона цветения. Но зато ночью магу пришлось нелегко. На небе не удалось разглядеть никаких звезд, кроме Полярной, а любому астрологу нужны еще хотя бы основные планеты вроде Меркурия, Венеры, Марса и Сатурна, и хорошо бы созвездия.

Рикардо попросил у Спиногрыза темную миску и воду и поставил ее перед собой. О чудо, в ровной чернильно-темной глади воды отразились звезды, да так ясно, что разглядеть среди них Венеру и Сатурн было куда проще, чем на небе. Остальные планеты и звезды – тоже. Маг знал эту особенность воды, которая являла человеческому взгляду небо гораздо более ярким и ясным, чем оно было на самом деле. Вынув из подпространства нужные инструменты, Рикардо довольно быстро убедился в том, что он был прав, когда определил, что находится на Белой стороне.

А еще через день он убедился, что сможет переместиться в свой мир с помощью оставшегося в подвеске заклинания, потому что Ладжер расположен на самой границе Белой стороны, а мир, где чародей жил, – на самой границе Черной. Обрадовавшись, Рикардо вытащил подвеску и, собравшись с духом, задействовал последнее заклятие, хранившееся в ней.

Но в самый последний момент, когда маг уже открывал портал, к нему с воплем кинулся Спиногрыз.

– Учитель! А я? – закричал он, обхватил мужчину руками и ногами и повис на нем.

Рикардо качнуло в портал, и когда он ухнул лицом вперед в чистейший песок на побережье своего острова, на нем висел намертво вцепившийся ладжерец.

Остров, где жил Рикардо, лежал близ побережья, от материка его отделял узкий пролив. С высокого скального берега в хорошую погоду другой берег был виден узкой туманной полосой. Островок был сравнительно небольшой, хоть здесь нашлось место и для невысокой горы, и для больших пляжей, леска, и даже озерца с пресной водой. Море, окружающее его, вело себя сравнительно спокойно, потому что материк обнимал бухту, в которой лежал островок, длинными узкими полуостровами. Единственное, что могло угрожать спокойствию Рикардова жилища – очень сильный шторм или цунами. Но магия-то на что?

Маг, разумеется, жил не в хижине на берегу озерца. У него был замок, опирающийся на ту самую единственную гору как на фундамент. Самый настоящий замок со всем, что полагается замку – зубчатыми стенами, башенками, воротами и бойницами и даже несколькими этажами подземелий, выдолбленных в скалах. Штурмовать этот замок было бы невозможно, и даже не потому, что стены были высоки и неприступны, горные дороги круты и узки, а бойницы недоступны. Дело было, конечно, в магии. Сложные защитные системы оплетали весь остров.

Рикардо приземлился в песок на пляже, взбив тучу песка. Песочек был чистейший и, как показалось Рикардо после Ладжера – ароматный. Маг никогда прежде особо не любил запах моря, но сейчас пляж, буквально пропитанный им, показался мужчине самым приятным местом на свете. И все бы было хорошо, если бы на его спине не висел Спиногрыз. «Вот почему его так зовут…» – подумал Рикардо, ощущая на плечах сильную хватку подростка.

– Эй, отцепись, – сказал он раздраженно.

Парнишка разжал пальцы и шлепнулся на песок. Потом вскочил на ноги и завертелся на месте, оглядываясь. На лице его постепенно возникало недоумевающее выражение. На море он старался не смотреть, а вот чистое, кристально-голубое небо и замок на горе приковали его внимание.

– О-ох… – протянул он.

– Зачем ты за мной увязался? – резко спросил Рикардо. Он очень не любил, когда дело шло не так, как он запланировал.

– Как зачем? Вы же мой учитель, вы же…

– Я тебе объяснял, что здесь тебе будет плохо.

– Все, что угодно. Лишь бы учиться.

– Дурак ты! – в сердцах бросил Рикардо. Он понимал, что отправить ладжерца обратно не может – портальный артефакт пуст – а когда сможет, это будет уже не так просто. Конфигурация миров изменится, и придется рассчитывать путь на Ладжер заново, а координат мира маг не знал. Да и расположение созвездий не запомнил. Он же не думал, что так получится.

– Ага! – солнечно улыбаясь, ответил Спиногрыз. – Но вы же будете меня учить, учитель, а?

– Буду. Ладно, – решился маг. – Но поставлю условия. Если не выполнишь – отправлю обратно.

– Выполню, выполню!

– Так. Первым делом – помыться.

– Нет, учитель! – завопил подросток. – Учитель, смилуйтесь! Ведь это вредно для здоровья.

– Что – вредно?

– Мытье!

– Здравствуйте, приехали, – расхохотался Рикардо. – Вредно ходить таким чумазым. И потом – я тебя предупредил.

– Учитель, я от воды и умереть могу.

– Хочешь обратно на Ладжер?

– Нет.

– Кроме того, я тебя переодену во что-нибудь более приличное. Что за тряпье…

– Это не тряпье! Это защитная одежда. Как же я буду защищаться от жуков?

– Тут нет жуков. И жить здесь совершенно безопасно.

Рикардо вздохнул и, переборов себя, схватил подростка за руку.

Разумеется, ему не пришлось карабкаться по горной дороге. Все защитные системы вокруг замка были настроены на него, и не требовало усилий активировать заклятие, переместившее его в замковый двор – именно так, как оно было настроено. Спиногрыз лишь ахнул и тут же стал с интересом вертеть головой. Он то и дело порывался вырваться от мага, но не потому, что хотел куда-то сбежать, а лишь оттого, что все хотел рассмотреть поближе.

Замок был довольно большой и ухоженный. Много зал, которые плавно переходили одна в другую, множество комнат и удобных покоев, отделанных деревом, – здесь было очень уютно. Рикардо по праву гордился своим замком. Он его не строил, а нашел заброшенным, разрушающимся и в течение многих лет приводил в порядок. Конечно, маг не самостоятельно таскал камни, разводил раствор, замазывал щели и крепил на стены панели из дуба и ореха. Но и от него требовалось очень много усилий, одна магия чего стоит.

И теперь комнаты и залы наполняла самая дорогая мебель, стены и потолки были отделаны так, что учитель Рикардо, знаменитый и, как следствие, богатый архимаг с удовольствием бывал у него в гостях, ну и произведений искусства

хватало. Конечно, Рикардо не собирал те ценности, за которые надо было платить очень большие деньги в антикварных салонах цивилизованных городов, он предпочитал наведываться в миры «дикие», куда цивилизация еще не доползла и где произведения искусства можно было купить недорого или вовсе выменять. От этого они не становились хуже, но, конечно, коллекция их выглядела немного разномастной. Изящная статуя полуобнаженной девушки соседствовала с идолом из черного камня, гобелен с вытканными на нем женскими фигурками – с несколькими разностильными керамическими вазами. И хотя предметы коллекции, расставленные и развешанные по всему замку, выглядели странно и, казалось, не могли сочетаться между собой, они непостижимым образом создавали ощущение гармонии и уюта.

По замку шныряли гремлины, причем не обычные, серенькие, высотой не более фута, а рослые, крупные и все, как один, наряженные в галстуки. Самые крепкие из них достигали роста полутора футов, и головы у них были увенчаны белокурыми чубами. Они бегали, таскали метлы и ведра, подносы и даже кирки, на их попечение Рикардо без опаски оставлял замок, если, конечно, в подвалах имелся достаточный запас пищи. Ведь ходить за покупками самостоятельно гремлины не могли.

– Ой, какие классные, – ухнул Спиногрыз, проволакиваемый мимо группы гремлинов, играющих на классики. – Это настоящие?

– Конечно, – ответил довольный маг. Давным-давно он на рынке диковин купил крупного белобрысого гремлина, теперь одно существо превратилось в целое поголовье. Гремлины эти были сообразительны, работящи и очень забавны. Как говорил торговец, «декоративны».

Когда Рикардо подошел к дверям донжона, оттуда выскочили два гремлина в шелковых галстуках и поясках, затянутых на пушистых животиках, и распахнули створки. Они были подобострастны и церемонны, и это насмешило Спиногрыза до слез. Он даже потянулся потрогать одного за ухо. Гремлин стерпел, хотя его взгляд, мигом ставший недобрым, отразил все его отношение к подобному поведению. Даже заворчал – мол, что это такое, привратника за уши трепать!

Первым делом Рикардо поволок Спиногрыза в ванную. Ближе всех была большая ванная, выложенная темным мрамором, отделанная зеркалами, с небольшой треугольной ванной и глубокой купальней, куда при желании могли влезть сразу человека три-четыре. Помимо того в ванной имелся столик, кресло и большая

кадка с цветущим кустом жасмина.

Когда Рикардо принялся раздевать своего протеже, кадку Спиногрыз опрокинул первым делом. Потом в купальню полетело кресло, а в окно – столик. Подросток орал и отбивался, и маг успел лишь поразиться тому, как он силен, прежде чем сам полетел в купальню.

А следом за ним в воду с диким воплем ухнул и сам Спиногрыз. Когда маг вынырнул, он увидел, что на краю купальни стоят трое гремлинов, один из них, самый рослый, потирал лапки. Увидев хозяина, он изысканно поклонился и показал лапкой на подростка. Тот продолжал орать и шлепать руками по воде. Вытянувшись во весь рост, он оказался бы вне опасности, потому что ему вода достигала только до груди, но, перепуганный таким количеством влаги, прозрачной и чистой, он испугался.

– Хозяин, – пискляво, но изо всех сил стараясь басить, произнес гремлин. – Может, мы его сами искупаем?

– Да уж, – отфыркиваясь, согласился маг и стал выбираться из купальни. – Лучше вы.

Мохнатое существо с белокурым чубом комично вложило в рот два пальца и пронзительно засвистело.

В один миг изо всех углов набежало два десятка гремлинов. Потом некоторые из них убежали обратно, остался лишь десяток самых сильных. Они попрыгали в купальню (плавали они, как оказалось, очень даже хорошо) и быстро выловили Спиногрыза. После чего повернули его горизонтально и принялись тереть щетками. Отфыркиваясь, Рикардо выбрался на бортик и замотал головой. Купаться в одежде и обуви было малоприятно.

– Учитель! – вопил Спиногрыз. – У-учи-и… Аы-бф-фыр… Тьфу! Учитель, открытая вода опасна!.. Для здоровья-а! Учитель!!!

– Не ори, – кратко отозвался Рикардо, стаскивая с себя мокрые насквозь брюки. Швырнул их на пол – из двери выскочил еще один гремлин, похоже, женского пола, потому что на одном ухе у существа красовался щегольской бантик, и утащил брюки. Должно быть, в стирку. Та же судьба постигла остальную

одежду. Ботинки гремлины унесли на подносе. – Сейчас они тебя отмоют. Тебе хорошая ванна пойдет только на пользу.

– Учи-и-итель!

– Хозяин, мылом его мылить?

– Мылить, мылить. И еще проверить, нет ли насекомых.

– Нет насекомых, хозяин.

– Тогда заканчивайте и вытаскивайте.

Гремлинам потребовалось не меньше получаса, чтоб закончить дело, потому что Спиногрыз отбивался не только упорно и сильно, но и умело. Гремлины разлетались от него веером. Правда, потом Рикардо вынужден был это признать, ни одному гремлину подросток не причинил никакого вреда, раскидывал он их весьма аккуратно. Отброшенные в сторону, мохнатые существа спешили вернуться в купальню и продолжали драить ладжерца. По окончании своей трудоемкой работы они подтащили его к краю огромной ванны и вытащили из воды.

Оказалось, что ладжерец не только белокож, но еще и белокур. Рикардо плохо разбирался в человеческой анатомии, но ему показалось, что подросток довольно гармонично сложен, никаких следов трудная жизнь в захламленном мире на его теле не оставила. Он подумал, что неплохо было бы показать мальчишку магу-медику, пусть посмотрит и скажет наверняка, надо ли его лечить.

Потом Спиногрызу долго подбирали одежду. Он категорически отказался ходить с открытой шеей, с голыми руками, требовал вернуть ему его нашейник и перчатки. Магу пришлось приказать гремлинам, как следует вычистив, выстирав и выгладив тряпье ладжерца, вернуть ее владельцу.

– Какое тряпье!? – возмутился Спиногрыз. – Мне эту одежду мама шила.

– Да храни ты свою одежду, храни. Я не против. Но ее надо продезинфицировать.

Спиногрыз надулся, правда это состояние скоро прошло. Рикардо едва удалось затащить подростка в свою лабораторию, чтоб взять у него кровь на анализ – ладжерцу ужасно хотелось немедленно все в этом замке осмотреть. Он вырвался из лап гремлина – доверенного слуги хозяина замка и большого эстета, пытавшего постричь его, – и убежал на стены. По дороге он вырвал из рук стоящих на почетном месте пустых рыцарских доспехов алебарду и поволок ее за собой. Латы не выдержали напора, стальные рукавицы потянулись за алебардой, а следом – и все остальное. Такого грохота замок Рикардо не знал с тех пор, как в его залах заканчивали ремонт.

Рикардо выскочил из лаборатории с пробиркой крови в руках. Гремлины уже столпились над упавшими латами, пытались собрать их и поставить на место. Маг показал головой. Откуда-то донесся стук и звон, видимо, причиненный алебардой, с которой мальчишка, разумеется, не умел обращаться.

– Только не мой фарфор! – закричал мужчина вслед своему непрошеному ученику, но довольно вяло. Впрочем, настоящего испуга он тоже не испытал. Во-первых, магией можно было восстановить что угодно, а во-вторых, маг просто очень устал. Не было сил реагировать так пылко и страстно, как он стал бы реагировать в подобной ситуации, но в другое время.

На этот раз Рикардо лишь покачал головой и вернулся в лабораторию.

Анализ показал, что никаких патологий или хронических заболеваний у Спиногрыза нет. Имелся легкий дефицит веса, стоило подлечить желудок и глаза, но в целом мальчишка, к изумлению мага, оказался совершенно здоров. Казалось, это было невозможно – кто сумеет остаться здоровым в мире, напоенном радиацией, мусором и еще черт знает чем? Но Спиногрыз сумел. У него не оказалось даже лучевой болезни. А остатки радиации, которая еще оставалась в его теле, Рикардо мог убрать одним заклинанием.

Разумеется, после хорошего отдыха.

Он отправился к себе в покои, со вкусом поужинал, осведомился у своего личного гремлина-слуги, какие новости, не случилось ли чего, не присылал ли

его учитель каких-нибудь писем, а потом передал категорический приказ не шуметь и устроился на кровати, уверенный, что проспит не меньше суток.

Однако он проснулся ночью, сам не зная зачем, вышел из комнаты. В коридорах царила полутьма. По стенам висели канделябры, каждый – на три свечи; всю ночь по ковру, застилающему коридор, беззвучно топотали лапками гремлины, они меняли догоревшие свечи на новые, а утром гасили их. Передвигались пушистые существа незаметно, поэтому можно было подумать, будто замок совершенно пуст, и кроме Рикардо здесь никого нет.

Но, конечно, еще имелся Спиногрыз. Как бы он не натворил дел, вдруг подумал маг. Может забраться в заклинательный покой или в замковый источник. Он вышел в большой коридор, проследил, как один из малышей-гремлинов, должно быть, еще подросток, деловито лез по стене к покривившейся в канделябре свече, и свернул в другой коридорчик, поуже, но зато устланный особенно пушистым ковром. Коридор уперся в большую круглую залу, уставленную низенькими креслицами без спинки, а потом в балкон, балкончик, нависающий над кронами деревьев далеко внизу. На балкончике сидел, свесив ноги между прутьями, Спиногрыз, а рядом с ним сидел личный гремлин Рикардо. Они беседовали.

– Ну согласись, что постоянно мыться – это неразумно, – напирал Спиногрыз. – Сколько воды зря уходит. А мыло? Она же уничтожит защитную пленку кожи.

– Грязными руками пищу брать нельзя, – назидательно произнес гремлин. – Это вредно. Вот я, скажем, всегда лапки мою перед едой.

– Если так, то руки не мыть надо, а дезинфицировать. Например, порошком. Мытье-то при чем? Оно наносит вред защитным функциям организма, вот!

– Ты будешь грязный на белых простынях валяться, а нам их стирать потом. – Гремлин был угрюм. – И гладить. Нет уж, не пойдет.

– И простыня ни к чему. Куда удобней так, на матрасе.

– Положено – на простыне. Что ты, будто дикарь? Что положено – то положено. Исполняй. Ты откуда такой дикий?

– Я не дикий. Я с Ладжера.

– Не знаю такого мира.

– А ты много миров знаешь?

– Много. Вот этот, где живу, и тот, где родился.

– Всего два? Это разве много?

Гремлин посмотрел на Спиногрыза очень сурово. Он был уже немолод, и его белокурый чуб будто серебряная нить прошила, да шерстка по всему телу словно подернулась изморозью.

– Это ровно на один мир больше, чем положено.

– Так ты у местных слывешь путешественником?

– А то. Я у наших – авторитет. Самый старший. И потом, я прародитель. Я больше всех знаю. Хозяин всегда мне распоряжения по хозяйству оставляет. Я даже артефактом связи умею пользоваться.

– М-м… Да, солидно. Уважаю.

– И я тебя уважаю. Во-первых, ты человек, а во-вторых, бессмертный. Ты теперь у хозяина в учениках, да?

– Ага…

– Слушай, научишься по мирам перемещаться – привези мне часы, ладно? Я их больше любой другой техники люблю.

– Коллекционируешь, что ли?

– Нет, ем.

– Действительно? – Спиногрыз завозился, потому что-то стал внимать с запястья. – Слышь, у меня тут с собой есть счетчик радиации, готов пожертвовать. Будешь?

– Ну давай. – Гремлин принял маленький круглый счетчик на ремешке и захрустел им. – Странный привкус.

– Ну как только появится возможность, я тебе сразу привезу часы, обещаю.

– Спиногрыз, тебе не пора спать? – спросил, выходя из-под арки, Рикардо. – Отправляйся к себе в комнату. А ты, – маг посмотрел на гремлина, – не забудь вернуть ремешок.

– Умгум… Ага… Уже. – Гремлин протянул подростку ремешок от счетчика.

– Да, учитель. – Спиногрыз проворно вскочил и, забрав ремешок, ускакал – лишь занавеси качнулись ему вслед.

– Да, хозяин, – угрюмо сказал гремлин, стирая с губ мелкие крошки металла. Сделал движение уйти.

– Мэрлот! – окликнул его маг. Гремлин остановился. – Покои молодого человека готовы?

– Да, хозяин.

– Смотри, чтоб твои ребята глаз с него не спускали, ясно? Шалить ему нельзя, куда вам нельзя лазить, туда и ему запрещено. Ясно?

– Да, хозяин.

– Смотри, ты отвечаешь.

Гремлин важно поклонился и ушел. Хозяин замка еще послонялся по комнатам, но скоро ему пришла в голову мысль, что если не поспит, то утром он будет беспомощнее, чем рыба, вытащенная на берег, и надо заставить себя поспать. Он прилег на свою взбитую постель, уверенный, что не сомкнет глаз, и тут же

отключился.

А утром Рикардо разбудил громовой стук в резную деревянную дверь.

– Эй! – весело кричали с той стороны. – Эй, спящая красавица, поднимайся по-хорошему, или напущу инкуба – тебя целовать.

– Спиногрыз, иди в задницу, – пробормотал маг, плотнее заворачиваясь в одеяло. – Я спать хочу.

– Эй, какой еще спиногрыз? – удивился голос за дверью. – Ты меня раньше так не называл, парень. Что-то новенькое?

– Ринальдо? – вдруг проснулся хозяин замка. – Ты, что ли? Подожди, я хоть оденусь.

– Что я – баба, что ли? Кого ты стесняешься? – Дверь распахнулась, и на пороге, в ореоле солнечного света, появился высокий молодой парень с серыми, как пепел, волосами, и такой белозубой улыбкой, словно только-только сошел с экрана центритской рекламы зубной пасты. – У, да ты ставни закрыл. Ну и дурак. Что за утро, ты только посмотри!

Он подошел и распахнул оба окна. Свет солнца залил спальню мага, его широкую кровать с высоко поднятым балдахином и сборную мебель, где столик в стиле маркетри соседствовал с комодом черного дерева, вовсе ничем не отделанным, а дальше высился шкаф, отделка которого изобиловала резными завитками, фигурками уморительных демонят и инкрустациями костью и перламутром. Несмотря на такое несуразное, казалось бы, сочетание, комната, хоть и некрасивая, казалась довольно уютной.

Мужчина, которого хозяин замка назвал Ринальдо, обернулся от окна и расхохотался.

– Ну и видок у тебя. Ты будто в соломе ночевал, все волосы в репьях.

– Мало ли в чем я ночевал. – Рикардо смутно припомнил, что после посещения Ладжера голову не мыл. Он ощупал голову и действительно вытащил два

репейника. – А, наверное, это я когда в песок плюхнулся, тогда и подцепил.

Ринальдо фыркнул.

Он был высок, на полголовы выше своего приятеля и, пожалуй, друга, но впечатление великана не производил, потому что был худощав. В сложении его лишь самый взыскательный взгляд нашел бы изъяны, хотя при этом молодой человек оставался самым обычным, в меру привлекательным, в меру смешливым, в меру умным представителем сильной половины человечества, и ничем, кроме белозубой улыбки, не напоминал холеного мальчика из рекламы. Кажется, даже волосы у него были не так густы, и глаза не так выразительны, как Ринальдо бы хотелось. Да еще прыщ вскочил на щеке.

Они с Рикардо сдружились случайно, на почве схожести имен. Они столкнулись в баре и слегка повздорили из-за хорошенькой служанки, потом с согласия девушки повеселились с нею оба сразу. Дружба зарождалась постепенно, но потом, окрепнув, стала прочна, как стальной канат. Она изобиловала приключениями, оба не раз спасали друг другу жизни, а это цементирует и углубляет отношения лучше, чем что-либо еще. Теперь эти двое были неразлучны, они жили в замке Рикардо, прежде вместе приводили его в порядок, теперь вместе защищали.

– С ума сойти, – проворчал Рикардо, слезая с постели и натягивая камзол. – С чего у тебя сегодня было такое радужное настроение? В лотерею выиграл? Или новую красотку подцепил?

– Да просто утро прекрасное. Что тут странного? Кстати, а кто такой Спиногрыз, которым ты меня обозвал?

Маг поморщился, застегивая пуговицы.

– Мой новый ученичок. Привязался, понимаешь, не отвязаться. Придется учить.

– Ну-ну… – протянул Ринальдо. – Ладно, вставай, пойдем завтракать. И к боссу, к нашему уважаемому архимагу.

– К Байрему? Так срочно? – Рикардо помотал головой, разминая шею. – Я надеялся, что доклад о состоянии рудников магических камней подождет до вечера. Хотя бы до завтра.

– Полагаю, друг, никто в замке Байрема и не станет выслушивать твой доклад о магических камнях. Не до того сейчас.

– Тогда о чем же будет речь?

Теперь Ринальдо смотрел на приятеля очень серьезно.

– А ты не догадываешься? Ты помнишь о проекте «Черно-белый»?

– Конечно, – изумился Рикардо. – Как же я могу не помнить об этом проекте. Мы оба с тобой работали над ним.

– Ну вот. Ты, должно быть, забыл о сроках, которые в нем указаны.

– Да я их и не знал. Сроки рассчитывал не я.

– И не я. Но из любопытства я заглянул в начало документа.

Маг запустил пальцы в волосы и поскреб затылок. Он смотрел на собеседника сосредоточенно.

– Подожди, так… Так проект вот-вот введут в действие?

– Именно. По этому поводу мы и собираемся сегодня у нашего босса. Он собирается раздать последние распоряжения тем, кто будет участвовать в налете на Асгердан.

– На Центр, Рино, мне так привычнее… Подожди, нас что, включают в ударную группу?

– Нет. Была договоренность, и никто ее не отменял. Но мы тоже должны присутствовать на встрече и обучить всех обращаться с теми особыми блоками,

которые разрабатывали последние полгода.

– А…

– Давай одевайся. Я уже приказал гремлинам подать завтрак. Перекусим вместе, я тоже еще не ел сегодня.

– Подожди. – Рикардо схватил друга за локоть. – Ничего не изменилось? Объектом атаки все еще остается клан Мортимер?

– Не изменилось… – Ринальдо насмешливо поджал губы. – Чем тебе так не угодил клан Мортимер? Неужто кто-то из твоих обидчиков оттуда родом?

– Ну… мм… Можно и так сказать. Неважно. Поверь, в Центре стало бы куда спокойнее, если бы Мортимеры утихли. Среди них, конечно, есть достойные люди, по преимуществу женщины, но их немного, а остальные…

– Ты живешь не в Асгердане. И вряд ли когда-нибудь будешь там жить.

– Да, но…

– Ты с нелюбимым тобой кланом здесь не встречаешься. А вот если Мортимеров переместят на Черную сторону, то встречаться будешь, причем регулярно.

Рикардо вдруг улыбнулся такой загадочной улыбкой, что она на мужском лице показалась совершенно неестественной.

– Здесь им будет не до выходок…

Глава 2

В огромные окна длинной и широкой залы, убранной по-праздничному, заглядывало темно-кобальтовое небо позднего вечера, того самого, когда все добрые обыватели, устав от трудового дня, лениво поглядывают то в телевизор,

то на часы – ну когда там уже ложиться спать? В бальной зале никто ни о чем подобном даже не задумывался – все танцевали и веселились от души. Народу было ровно столько, чтоб не показалось ни пусто, ни тесно. На возвышении, прикрытом двумя узорными экранами, старался оркестр, виден был только дирижер, которому при большом желании гости могли адресовать просьбу – сыграть то, сыграть это.

Прием в метрополии клана Мортимер был приурочен к ко дню рождения патриарха, потому гостей было много, очень много. Из залы в оркестром двери распахнулись в соседний, тоже набитый гостями, потом в еще один, со столами для фуршета, и еще один, самый вместительный – тот, с фонтаном. Все было устроено так, чтоб и музыка, и угощение нашли любого человека где угодно. Столики с закусками были расставлены повсюду, удобно, вдоль стен, гости то и дело подходили за тартинками, бутербродиками и мясными яствами, а лакомства не заканчивались. Слуги своевременно пополняли запас.

Разумеется, Мэрлот пригласил на свой вечер всех потомков с супругами, кто-то из Мортимеров привел друзей – огромная метрополия, казавшаяся обиталищем титанов, вдруг закипела целыми толпами и показалась далеко не такой вместительной, как хотелось бы. Часть приглашенных выплеснули в парк, где их ждали фейерверки, сотни фонариков, которыми были увешаны деревья, и накрытые столы. А в залах танцевали.

Руин появился на празднике значительно позже остальных, и с трудом отыскал патриарха. Он поздравил его с юбилеем, после чего с наивным видом поинтересовался его возрастом, но ответа не получил.

– Но согласись, странно появиться на дне рождения и даже не знать, сколько «новорожденному» лет, – заспорил молодой человек, улыбаясь.

Мэрлот был затянут в темный, очень хорошо сшитый костюм, между лацканами лежал строгий серый галстук, кажущийся темным на фоне белоснежной, сияющей рубашки. Патриарх Мортимеров выглядел таким респектабельным, что не настораживал даже блеск глаз. Впрочем, чертики в глазах плясали у всех представителей белобрысого клана, считались почти клановым свойством, впрочем, официально не заявленным.

– Ерунда, – спокойно заявил Мэрлот. – Главное – повод. А сколько там мне накапало – дело десятое.

– Ты прям как дама. Ну ладно, узнаю у родственников.

Патриарх смешливо сощурился.

– Ты думаешь, здесь кто-нибудь доподлинно знает, сколько мне лет?

– Ну хоть один из старших патриархов должен знать, у них можно поинтересовался.

– С патриархами мы все отметили еще вчера. Так что здесь никого из них нет.

– Вот хитрец!

Мэрлот очень не по-патриаршески показал Руину язык.

– Добро пожаловать на праздник, – спокойно сказал он и отправился приветствовать других гостей. Дел у именинника на своем дне рождения множество.

Руин медленно пробирался сквозь толпу, раскланиваясь со знакомцами и родственниками, которых помнил в лицо. Мудрено было тому, кто жил в Центре меньше двадцати лет, хорошо знать всех представителей своего клана, коль скоро их было больше четырехсот. Кроме того, здесь роилось огромное количество людей, которых он видел впервые в жизни. Залы, разворачивающиеся перед его глазами, казались Руину чужими. Ему еще не доводилось видеть их такими – ярко освещенными, забитыми народом… Разодетые пары танцевали и фланировали вдоль роскошно накрытых столов. Под потолком огромные люстры играли тысячами хрустальных подвесок, на стенах изливали свет старинные свечные канделябры, защищенные магией. Ветер шевелил лишь подвески, играющие десятками граней, и те бросали на платья и костюмы целые пригоршни ярких искр.

Дамы, мимо которых проходил Руин, с любопытством, а то и с явным интересом смотрели на него, а он лишь скользил рассеянным взглядом по лицам и фигурам.

Он искал. И нашел. Посветлел лицом, разглядев в уголке, у стола, свою сестру, и направился прямиком к ней.

Моргана была поистине восхитительна в темно-синем строгом вечернем платье. Она по-прежнему не решалась открывать плечи, но высокая прическа, из которой на плечи падало несколько кокетливых локонов, с таким изяществом подчеркивала белизну и совершенство ее шеи, что она привлекала к себе гораздо больше внимания, чем сильно декольтированные дамы. Синий шелк ласково облегал стан Морганы, и даже обилие складок не скрывало красоты и притягательности ее фигуры. Глаза мужчин приклеивались к ней с такой настойчивостью, что порой это выходило за грань светских приличий, и даже родственники, Мортимеры, зачастую останавливали на ней слишком глубокие, слишком восхищенные взгляды.

Она заметила Руина, глаза ее вспыхнули, и девушка протянула ему тонкую руку, украшенную легким браслетом. Брат любовался Морганой совсем не так, как остальные мужчины, в его взгляде было бескорыстное любование, то, что выражали его глаза, напоминало чувство, испытываемое от созерцания настоящего произведения искусства. Молодой человек и в самом деле смотрел на сестру, как на драгоценный камень, оправа которого должна быть достойна содержимого. Он галантно подставил ей руку.

– Потанцуем? – спросил он.

– С удовольствием.

Руин повел сестру на середину залы.

– Где Мэл? – спросил молодой человек.

– Он был здесь. Но уже ушел. Сказал – что-то срочное. Наверное, дела.

– А-а… Ну-ну…

– Он через меня попросил тебя предоставить мне убежище. – Девушка улыбалась. – Чтоб мне одной не торчать в пустой квартире. Квартира большая, а я – маленькая…

– О чем разговор!? Мой дом – твой дом.

Руин подхватил Моргану и повел ее в танце. Еще с тех времен, когда он жил при дворе властителя Провала и именовался «ваше высочество» (впрочем, титул принца никуда не делся, он остался, но имел вес лишь на Черной стороне, да и то не везде), Руин отлично умел делать то, что обязан уметь любой светский молодой человек – вести себя за столом, десятью способами завязывать галстук, фехтовать и танцевать. Вальсировал он, пожалуй, лучше всех в клане Мортимер. Но ему никогда не приходило в голову увидеть в этом что-то особенное.

– А Мэл вообще танцевать не умеет, – шепотом пожаловалась Моргана. – Наверное, потому и сбежал по делам. Чтоб не позориться…

– Мэл много чего не умеет.

– Зато он умеет многое из того, что не под силу тебе, братец, – немедленно вскинулась она. Как истинная женщина, она считала возможным и допустимым упрекать супруга в чем угодно, но не терпела, когда то же самое делал кто-то еще, и кидалась на защиту возлюбленного, как дикая кошка.

– Согласен. Каждый должен делать свое дело. Воин – воевать, маг – составлять заклинания… Кстати, знаешь, что в Провале грянул скандал?

– Правда? – Вместо любопытства Руин ощутил в голосе сестры напряжение. – Что там произошло?

– Киан написал Делии любовную записочку и отправил прямо к ней, в монастырь, с нарочным. Он уже давно в нетерпении. Но записка попала в руки настоятельнице, а та подняла шум. Устав в монастыре строгий. Правителя теперь хулят, кто во что горазд: мол, святотатство, мол, законы не признает, оскорбляет богов. Ты же знаешь Провал. Главный принцип – делай, что хочешь, только не напоказ. Если бы Киан потихоньку выкрал Делию, никто бы ничего не сказал. Сделали бы вид, будто ничего не знают.

– А Делия что? – заинтересовалась Моргана.

– У меня создалось впечатление, что, не будь она монахиней, пошла бы за Киана, особенно если бы он приказал. Знаешь, как бывает – хочется, но неловко. Проще, когда кто-то другой берет на себя полную ответственность. Все-таки они брат и сестра, хоть и сводные.

Моргана потупила глазки. Потом снова подняла их на Руина.

– Ты меня дразнишь? – спросила она.

– Ничуть не бывало. Просто пытаюсь заинтересовать тебя делами Провала. Может, все-таки решишься побывать там? Твой пример успокоил бы Делию, может, убедил бы ее стать более благосклонной к Киану. Воин действительно любит ее, искренне. С ним ей было бы хорошо. Жалко Киана.

– Ни за что не поеду в Провал. Не покажусь там ни за что. Киан, я думаю, сам решит свои проблемы, – холодно ответила Моргана.

Руин понял, что этот вопрос лучше оставить.

Мимо них проплывали другие пары. Вокруг было множество белокурых женщин – мечта романтика. Кудри женщин клана Мортимер демонстрировали все оттенки светлого – от чистейшей, почти молочной белизны до густо-медной прически с отливом в благородное золото. Почти все клановые женщины были красивы, дурнушки среди них встречались едва ли не реже, чем колодцы в пустыне. Женщины Мортимеров славились не только красотой, но и царственностью осанки и манер, а также особой «изюминкой». У каждой был свой характер – непредсказуемый, пылкий, полный неожиданностей и тайн, и ни одна из леди Мортимер не казалась безликой, какими иногда бывают самые обычные красивые женщины, чьи интересы узки, как загроможденный коридор общежития.

Но Моргана выделялась даже на фоне своих родственниц. Самая красивая среди них, самая величественная и самая необычная. Руин поглядывал на сестру с удовольствием, с которым мать смотрит на свое чадо, только-только научившееся ходить и уже бойко ковыляющее на своих слабых ножках.

Руин улыбнулся и, поскольку музыка закончилась, вновь подставил локоть. Отвел сестру к столику.

– Освежишься? – Он подал ей бокал белого вина.

– Спасибо. – Моргана пригубила. – Между прочим, отец тоже здесь. И, кажется, даже Дэйн. Он в парке, там, где фейерверки. И другие родственники. А ты общаешься только со мной. Это невежливо.

– Ты права. – Руин заметил неподалеку Мариту Мортимер, мать своего отца, и вежливо кивнул ей. Женщина – цветущая, прелестная и юная – ласково кивнула в ответ. – Светский человек должен вести себя иначе. Но я соскучился.

– Иди, иди, – фыркнула девушка. – По остальным ты должен был соскучиться не меньше. – И она направилась в залу с фонтаном.

Руин потянулся к тарелке с креветками. В этот день он почти не ел, и теперь голод восстал в нем с неожиданной силой. Возможно, здесь сыграли роль соблазнительные яства, расставленные на столах. Слуги только-только принесли из кухни огромные блюда с жареным мясом и торопливо нарезали его маленькими, тонкими ломтями, сворачивали рулетиками и укладывали красивыми горками. Руин завладел маленькой серебряной вилочкой и принялся за еду. Мясо он запивал отличным красным вином. На фуршетах вино принято разносить уже разлитым по бокалам, но у Мортимеров поступали иначе. Между блюдами и подносами были расставлены большие графины, полные до краев, слуги обновляли запас напитков и чистых бокалов, и каждый гость сам решал, что взять или налить.

Так что гости чувствовали себя в метрополии Мортимеров очень свободно, почти как дома.

Оглядывая толпу гостей, Руин вдруг заметил девушку, которую прежде никогда не видел. В первое мгновение, в профиль, она показалась ему похожей на сестру, но потом незнакомка повернула голову, и молодой человек понял, что ошибся. Она нисколько не походила на Моргану, может, лишь чуть-чуть – правильностью черт лица, густыми вьющимися волосами, тонкой и изящной длинной шеей и сдержанными плавными движениями, в которых чувствовались стесненность и смущение. Девушка была одета очень скромно и все льнула к одной из родственниц Руина по клану, ей явно было не по себе в метрополии Мортимеров.

Она показалась мужчине хрупкой и трогательной, как первый росток подснежника, проглянувший из-под земли ранней весной. Не особенно красивая, она тем не менее почему-то остановила на себе его взгляд. Руин почувствовал, что ему хочется улыбнуться ей.

Он отставил бокал, отложил вилочку и направился к девушке. Церемонно наклонил голову, протянул руку. Она смотрела на него растерянно и зачарованно.

– Позвольте пригласить вас на танец, – сказал он.

Вместо ответа девушка протянула ему руку.

Она танцевала неплохо, хоть и очень неуверенно. Но в танце власть была в руках мужчины, и именно он повел ее, с легкостью исправляя все недостатки ее движений. Музыка все играла, и он, сперва танцевавший с нею молча, решил спросить:

– Как вас зовут?

– Катрина, – едва слышно ответила девушка. Подняла голову, смутилась, улыбнулась слегка. – Катрина Айнар. Айнар – это небольшое семейство. Не клан.

– Иначе бы я знал о нем. – Руин постарался смягчить тон, чтоб девушка, ни дай бог, не подумала, будто он считает ее ниже себя лишь потому, что она – внеклановая, в отличие от него. – Но уверен, рано или поздно ваша семья станет кланом.

– Надеюсь, сударь.

– Меня зовут Руин. Руин Арман-Мортимер, что в свою очередь означает, что я принадлежу к маленькому семейству Арман в рамках клана Мортимер.

Девушка фыркнула, и когда вновь подняла на него глаза, в них прыгали чертенята не хуже, чем у Мортимеров. Она все больше и больше нравилась молодому человеку, хотя он вполне отдавал себе отчет в том, что его новая знакомая по красоте Моргане – идеалу женской красоты в его глазах – и

в подметки не годится. Но зато Катрина обладала чем-то иным, вполне искупавшим недостаток красоты. Хоть и не слишком красивая, она была очаровательна.

Руин и Катрина проплывали мимо гостей патриарха Мортимеров, и вряд ли кто-то из них заметил красивую белокурую девушку с причудливой прической, откуда густые волны волос опускались ниже талии, девушку, которая проводила эту пару внимательным и довольно мрачным взглядом.

Когда закончился вальс, Руин отвел девушку к одному из столиков, где ее уже ждала подруга – Элевера Мортимер, которая, собственно, и привела Катрину на празднование дня рождения патриарха. Элевера посмотрела на Руина с проницательной улыбкой и тут же потянула подругу к столику, где слуги как раз расставляли вазочки с мороженым, залитым разноцветными соусами. Тут же были готовы креманки с кусочками фруктов, желе и ароматными ликерами, которыми все это было сдобрено. Леди Мортимер подсунула Катрине одну из таких креманок – она-то знала, что подобным лакомством подруга едва ли баловала себя хоть раз в жизни.

Она знала, что подруга бедна, но старалась не показать, что понимает трудности ее положения. На этот вечер Элевера вытащила Катрину едва ли не силой, предложила ей одно из своих платьев, потому что знала – у той нет и не может быть хорошего вечернего платья, ей не на что купить себе дорогую выходную одежду. Айнар согласилась и теперь оглядывалась с восхищением, стараясь не показать, как она очарована великолепием обстановки, богатством убранства, обилием угощения.

Катрина родилась в небогатой семье. Хотя семейство Айнар уже насчитывало семь поколений от основательницы рода, оно не могло претендовать на положение клана, и причин тому было множество. Одна из них – недостаточно высокое финансовое положение. Говоря откровенно, семейство не обладало никаким особым положением. Катрина прекрасно знала, что такое зарабатывать себе на жизнь, что такое не иметь достаточно денег, чтоб нормально пообедать и вовремя оплатить снятую внаем комнату, и, хоть те времена уже остались позади, ощущение унизительной бедности осталось в памяти.

Как ни странно, окружившая ее в метрополии Мортимеров роскошь не вызвала ни досады, ни зависти, ни ощущения собственной ничтожности. Девушка, трудившаяся не покладая рук ради того, чтоб как-то прожить и оплатить

недорогую квартиру, смотрела на веселящихся вокруг беззаботных людей, которые вряд ли когда-то знали, что такое нужда, без ненависти. Той же Элевере не приходилось работать на кого-то, чтоб обеспечить себе достойную жизнь, она владела большим состоянием и умело управляла им, получая большой доход, но это нисколько не портило ее отношений с Катриной. Леди Мортимер устроила подругу на хорошо оплачиваемую работу в офисе своей родственницы, и, как считали обе, остальное уже зависело только от самой Катрины.

Разница в положении не сказывалась на их дружбе.

И сейчас Элевера, подсовывая подруге самый соблазнительный на вид десерт, с удовольствием шепнула:

– Ты ему понравилась.

– Да брось. – Катрина мучительно покраснела. Она боялась поднять глаза на Мортимера, который разок станцевал с ней, и на подругу не решалась посмотреть. Девушка сама не понимала, в чем дело, и, уж конечно, не решалась бы признаться себе, насколько этот молодой человек, с которым она сегодня впервые встретилась, смутил ее покой. – Кто он?

– Он? Руин Арман-Мортимер. Из младших. Второй сын Мэльдора.

– Того знаменитого юриста?

– Он уже знаменитый? Я скажу Мэльдору, ему будет приятно.

– Я не знала, что у Мэльдора были еще дети, кроме… ликвидатора.

– Еще двадцать лет назад об этом не знал никто. А потом у Мэльдора разом появилось еще трое детей – сыновья и дочь. С его дочерью я тебя познакомлю. На редкость красивая девушка, просто чудо. Притом такая милая… Она тебе понравится.

– Странно. Этот Руин носит фамилию Мортимер?

– Конечно.

– Но он больше похож на представителя клана Драконов Ночи. Неужели он красит волосы?

– Нет, конечно… – Элевера задумчиво смотрела вслед Руину. – Может, это самая большая шутка детей Мэльдора, но все трое от природы черноволосы и красивы, как боги. И притом обладают всеми признаками нашего клана. Впрочем, ты сама сможешь в этом убедиться, когда пообщаешься с Руином подольше.

– Подольше?

– А он уже идет сюда. Наверное, чтоб снова пригласить тебя на танец.

– Но… – Катрина проследила взглядом за тем, на что смотрела Элевера, и покраснела вновь, заметив, что Руин и в самом деле уже совсем рядом.

Она сама не заметила, как согласилась танцевать с ним еще и еще раз. Молодой Арман-Мортимер ухаживал за нею так галантно и вежливо, что у нее ни разу не возникло ощущения неудобства, ни разу ее не смутило поведение мужчины.
С ним было очень легко, речь текла сама собой, и ближе к полуночи Руин уже знал, что его собеседница работает в мебельном бизнесе Гларры Мортимер и живет в одном из спальных районов, далеко от центра и неудобно, но все-таки в столице. Катрина же узнала, что Руин родился и вырос на Черной стороне, а сейчас счастлив, что живет в Центре и учится в Галактисе на факультете магических искусств.

– Вы учитесь? – улыбнулась девушка.

– Поздно начал, – объяснил молодой человек.

– Я тоже хотела бы учиться, – вздохнула она.

– Нет возможности?

– Нет. Может, когда-нибудь потом. У бессмертных жизнь длинная.

– Несомненно. Если есть желание, его необходимо осуществить. – Руин слегка кивнул своим мыслям. – Позвольте вас сегодня проводить до вашего дома?

Катрина покраснела. Помедлив, кивнула.

Веселье потихоньку утихало. Слуги подали торты из мороженого, украшенные фруктами, раскладывали маленькие кусочки по блюдечкам, это было что-то вроде «прощального блюда», после которого гости начинали потихоньку расходиться по домам. Руин принес Катрине мороженого, после чего пошел за своей порцией. Но едва он подошел к столу, рядом с ним появилась белокурая девушка, наблюдавшая за тем, как он танцевал.

– Здравствуй, Руин, – сказала она едва слышно.

Руин повернул голову.

– Здравствуй, Реневера. Давненько тебя не видел. Здравствуй. – Она протянула ему пальцы, и молодой человек вежливо поцеловал ее. – Как у тебя дела? Как бизнес?

– Все хорошо. – Она смотрела на свое блюдечко, где медленно таяло разноцветное мороженое. – Ты не заходил, не звонил уже давным-давно.

– Я думал, ты не очень-то хочешь меня видеть.

– Я думала так же. – Реневера подняла на Руина глаза. Взгляд был замкнутый и отстраненный, но мало-мальски проницательный человек догадался бы, что она лишь старается держать себя в руках и получается у нее неплохо.

Молодой человек не нашелся, что сказать. Он лишь молча развел руками.

– Я думала, ты не выдержишь, придешь. – Она горько усмехнулась. – Придешь первым. Ждала, ждала… Потом все перегорело, как в пламени, которое не подкармливали топливом… Я была не права, готова признать, но ты ведь тоже… тоже был не прав.

– Я однажды услышал одну умную вещь. «В ссорах двоих супругов всегда виноваты оба». Ведь верно, как ни посмотри. Так что, думаю, нет никакого смысла сейчас рядиться, кто был виноват больше.

Реневера смотрела на Руина неотрывно. Она долго вертела в пальцах ложечку, и молодой Мортимер даже сделал движение уйти, но она удержала его.

– Послушай… – Ей с трудом давались слова, но девушка сделала над собой усилие и продолжила: – Давай, попробуем еще раз. Может, теперь, когда ты привык к Центру и местным нравам, все пойдет по-другому?

– Спасибо, – помолчав, ответил Руин. – Спасибо тебе за предложение, Рен, но, думаю, не стоит. Мы слишком разные, мы не подходим друг другу. Твое благородство вылилось бы в лишние огорчения, лишние ссоры. Отец рассказывал мне об отношениях своего отца и матери, он говорил, что представителям одного клана трудно ужиться в браке. Может, в этом было все дело?

Реневера смотрела ему в глаза. Потом резко поставила блюдечко с растаявшим мороженым на стол, развернулась и ушла. Руин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя на редкость неловким и в чем-то виноватым.

Сперва Арман-Мортимер посадил в машину Моргану. Ее было кому отвезти – метрополия пользовалась услугами нескольких постоянных работников-шоферов, и теперь, по случаю праздника, все они собрались в гаражах, уверенные, что обязательно понадобятся. Как же это – в праздник, да не понадобиться? Руин нашел свободного шофера, усадил сестру, заверил ее, что приедет не позднее чем через час, велел Моргане не скучать и направился к своей машине, где уже ждала Катрина.

– Сестра решила пожить у меня, пока муж в отъезде, – пояснил он девушке, открывая перед нею дверцу автомобиля.

– Это ваша сестра? Какая красивая… Вы с ней похожи.

– Она красивая, – согласился Руин. – Куда вас везти?

Она назвала адрес, и машина плавно тронулась с места. За двадцать лет молодой Мортимер научился очень хорошо водить машину и лишь изредка с улыбкой вспоминал свои прежние злоключения с техникой. У него давно уже сменился автомобиль, модель теперь была получше и подороже, но на этом, как на прежнем, лежало заклинание защиты от любых повреждений и на всякий случай – еще и заклятие левитации.

Катрина тихонько сидела на переднем сиденье, рядом с водителем, усталая и умиротворенная. За время пути она не сказала почти ни слова, лишь смотрела то в лобовое, то в боковое стекло на пышущий огнями город, проплывающий мимо нее. В голову лезли посторонние мысли – и о наступившем воскресенье, и о домашних делах, и об офисе, куда предстоит ехать в понедельник, и о мебельном деле Гларры Мортимер, которое, вообще-то, вовсе не предел мечтаний Катрины Айнар, просто там платят хорошо.

– Мы с вами еще увидимся? – спросил вдруг Руин, и Катрина вздрогнула.

– Если хотите.

– Хочу.

Девушка пошарила в сумочке, выдрала листок из блокнотика, избегая вынимать его, чтоб молодой человек, не дай Бог, не заметил там запись: «Вернуть Элевере платье не позже вторника». Написала на листке свой телефон.

Руин взял и аккуратно вложил его в свой бумажник. У него были длинные и очень гибкие пальцы чародея, такие же, какие бывают у хирургов, их движения буквально заворожили его спутницу. А потом она заметила, что машина уже стоит у ее дома и пора выходить.

На прощание Руин не попытался ни обнять ее, ни поцеловать, как делали другие мужчины, ухаживавшие за Катриной, лишь галантно прикоснулся губами к ее дрогнувшим пальцам. Но его прикосновение было таким мягким и осторожным, что девушка не могла не почувствовать – его поведение значит хоть чуточку, но больше, чем простая вежливость. Она вышла из машины и решительно направилась к подъезду, но, когда автомобиль тронулся, посмотрела ему вслед. Прислонилась к массивной входной двери второго подъезда шестнадцатиэтажного многоквартирного дома и долго стояла, глядя в ночь,

хотя машина уже давно растворилась в темноте без остатка. Она чувствовала себя странно и неправдоподобно, и идти домой, где мать и брат, совершенно не хотелось.

Но через пару минут она начала мерзнуть и, вздохнув, вошла в подъезд. Ей показалось, что за спиной закрылись двери в другой мир.

Руин остановил машину перед домом. У него был небольшой особняк на окраине столицы, но в хорошем районе; арка портала, переносящая людей и автомобили в самый центр города, располагалась меньше чем в десяти минутах ходьбы от дома. Кнопкой на приборной панели молодой человек открыл ворота, завел автомобиль на стоянку и спокойно замкнул замок. С бархатно-черного неба на него смотрели мелкие осколочки света, маленькие звездочки, похожие на просыпанную крупу. В саду, окружавшем домик, царила темнота. Сад был довольно ухоженный, а дом, с тех пор как купил, Руин уже успел на славу перестроить и перепланировать, отделать заново. Домик теперь напоминал изящное шале и, укрытый полупрозрачной зеленью серебристых ив, красовался, как подлинное произведение искусства.

На полукруглой лестнице террасы он остановился. Со стороны можно было подумать, что молодой человек в хмелю просто вспоминает, куда он засунул ключи. Но Руин слушал. Неясное чувство опасности предостерегало его от шага на порог дома. Он привык доверять себе, всей прежней жизнью был приучен прислушиваться к своей интуиции. И теперь он последовал бы совету своего сердца, если бы не сестра. Если бы не Моргана.

Он вынул из кармана цепочку с пластинкой магнитного замка. Поселившись в Центре, он по достоинству оценил технические приспособления и все преимущества, которые они давали, и теперь использовал их везде где мог. Теперь, коснувшись ключом замка, он незаметно нажал и кнопочку рядом со считывающей полосой.

Моргана сегодня пользовалась своим ключом. Она прошла в дом, и это было меньше часа тому назад.

Он помедлил лишь секунду, прежде чем толкнуть дверь. Шагнул внутрь, в темноту прихожей, скинул плащ и пиджак на стул и стал неторопливо, будто от

усталости, подниматься по лестнице на второй этаж. Ступеньки едва слышно поскрипывали. В доме царила мертвая тишина. Можно было подумать, что Моргана уже легла спать. Конечно, подобное возможно.

Руин неторопливо расстегнул манжеты рубашки, открывая запястья, охваченные черными браслетами-артефактами. Прежние гематитовые браслеты давно уже иссякли, и молодой маг завел себе новые. Он громко зевнул на лестнице, потом небрежно ногой толкнул дверь – и в тот же момент отпрыгнул в сторону.

Заклинание, брошенное из полутьмы, опалило ему щеку. Руин присел, развернулся в бедрах и выпустил из ладоней накопленную энергию. Невидимый вихрь силы обратился в видимый – Арман никогда не пользовался чистой энергией, заклятия предпочитал затейливые, многосложные, такие имели больше шансов пробить магическую защиту. Заклинание сформировалось в считанные мгновения, полупрозрачная синева распространилась в ширину. Хозяин дома не успел и моргнуть, как заклятие затопило собой комнату.

Оно высветило всех присутствующих в комнате. У Руина и прежде не было сомнений в том, что у него «гости», теперь же он смог посчитать их. Не точно, разумеется, потому что светящаяся голубизна облекла фигуры лишь на долю мгновения, маг уловил, что их то ли четверо, то ли пятеро, да сестру он разглядел. Моргана лежала на кровати, наверное, без сознания или под действием сонных чар. Она была жива – это Арман ощутил точно, и у него отлегло от сердца.

Все нападающие были защищены, и лишь один, стоявший ближе всего к двери, рухнул, сбитый с ног ворвавшимся в дверной проем сиянием, остальные успели отразить нападение. Руин прекрасно понимал, что на его стороне только одно преимущество – неожиданность. Он нырнул в дверь, одновременно разряжая один из своих артефактов, потом сразу же второй и немедленно кинулся на пол. Перекатился вбок. Вовремя – под ударом одного из «гостей» в клочья разнесло столик слева от дверного проема, затлел паркет. В момент атаки маг открыт, даже если его окружает купол или щит. Простое атакующее заклинание, конечно, его защиту не пробьет, но простыми Арман никогда и не пользовался.

Молодой маг прекрасно понимал, на кого должна быть направлена его следующая атака. Оба артефакта он разрядил в одного противника, чья энергетика показалась ему наиболее сильной. Врага охватило зеленоватое сияние, обратившиеся сотнями мелких полупрозрачных змеек чары вгрызлись в

магическую защиту, которая растаяла, как горсть снега, брошенная на горячую печку. Следом обратившееся золотым серпом заклятие врубилось в чужую ауру, и чародей согнулся.

Руин, не поднимаясь с пола, развернул ладонь, хлопнул по ковру и снова откатился в сторонку, уверенный, что в него уже летит что-нибудь увесистое. В доме помогают и стены, и полы, именно это сейчас и собирался доказать Арман. Нити его заклинаний пронизывали весь особняк, и теперь несчастный маг, уже ставший объектом трех атак, испытал на себе и четвертую, настигшую его не оттуда, откуда можно было ожидать, а снизу, прямо из пола.

Ожидания хозяина дома, что его поспешат магически атаковать остальные нападающие, вполне оправдались – в Руина полетело сразу три заклинания. «Значит, осталось трое, а не четверо», – мелькнуло у того в голове. Это его немного успокоило. Но лишь немного. Противник с мощной энергетикой, которая привлекла внимание Армана, не подавал признаков жизни, но оставшиеся, кажется, могли стать для него вполне достойными соперниками. А в следующее мгновение Руин понял, что имеет дело вовсе не с белыми магами.

Ни одно из заклинаний в хозяина дома не попало. Что-то скользнуло по руке Руина, больно обожгло кожу, но больше он ничего не ощутил. Ощущения опасности тоже не было. В поединке молодой маг действовал на интуиции, ему вполне хватало опыта, чтоб верить себе. Он своевременно чувствовал любую угрозу. В бою он почти не думал, знания и умения, подкрепленные недюжинной реакцией, воспитанной фехтованием и магической практикой, выручали его. Молодой маг, почти перестав раздумывать, швырял в противников заклинания, какие только приходили ему в голову. В глубине подсознания все билась мысль, что он в доме, который не стоит разносить в клочья, что рядом – сестра, поэтому злоупотреблять разрушительными чарами ни в коем случае нельзя.

Четверо на одного – по меньшей мере нечестно. Кроме того, Арману очень не понравилось, что эти головорезы впутали в какие-то призрачные разборки его сестру. Ему некогда было раздумывать, в чем причина этого странного, ничем не объясненного нападения, но, разозлившись, нисколько не церемонился. Он без трепета и сомнений целил во врагов самой смертоносной магией.

Один из нападающих схватился за грудь, пронзительно закричал и завертелся на одном месте, хватая себя то за грудь, то за горло. Магия оплела его тело и, обратившись в некое подобие огромного прозрачного варана, принялась рвать

зубами то плечо, то горло. Существо было эфирное, нематериальное, но зубы у него казались самыми настоящими, а уж урон, который они наносили, – и того реальнее. Чужаку стало не до атак.

У Руина уже не было возможности добить одного и взяться за остальных – теперь на эффект неожиданности уже не приходилось рассчитывать. Нападающие давно опомнились, и бомбардировали хозяина дома такими мощными заклинаниями, что тому оставалось лишь дивиться – что же у них за артефакты, каков же запас, до чего же они упорны! Зачем он им сдался, Арман совершенно не представлял. Изнемогая под тяжестью заклинаний, каждое из которых приходилось отражать по-новому, он добрался до двери и вывалился из нее в надежде, что чужаки последуют за ним.

Надежда оправдалась. Трое неизвестных магов, продолжая наседать на Руина, пользовались самыми простыми, но зато мощными чарами, и лишь один из них позволял себе затейливую магию. Это хозяин дома уловил, несмотря на то что был совершенно поглощен поединком. Он мысленно выделил «затейника» и сделал себе заметку, что от него нужно держаться подальше.

Арман кубарем скатился вниз по лестнице, увернулся от заклинания и влетел в столовую. Он прекрасно помнил, что любая металлическая полированная поверхность так или иначе отражает магию, особенно хорошо это делает серебро. Раздвигать створки буфета у него не было времени – сапоги чужаков грохотали уже возле двери. Он просто разбил стекло и выхватил оттуда красивый большой серебряный поднос, небрежно смахнув с него прочую ценную утварь.

Он едва успел развернуться навстречу двум мощным парализующим заклинаниям и отмахнулся от них подносом. Плотные комки энергии, отраженные серебром, врезались в стену, серебро слегка нагрелось. Подставлять поднос, как щит, было нельзя, лишь в движении он сохранял свои защитные возможности, и Руин размахивал подносом, как крылом, отшвыривая от себя чужую магию и одновременно отступая по столовой к кухне, выбирал местечко поудобнее, куда бы нырнуть. В столовой и кухне не был включен свет, и нападающие вряд ли могли разглядеть, чем именно отмахивается от чар упрямый хозяин дома. Они и силуэт его не всегда ловили в фокус, все-таки магическое зрение больше помогает с неподвижными объектами, нежели с теми, которые мечутся из конца в конец комнаты, прикрываясь экранирующим предметом.

В столовой Руинова дома стоял массивный стол, строгий, похожий на монастырский. Уклоняясь от заклинаний, Арман расшвырял стулья, обогнул стол и попытался укрыться за ним. Дерево не могло защитить его, но на миг преследователи потеряли преследуемого из вида. Молодой человек успел сорвать верхнюю пуговицу рубашки, выдернуть наружу артефакт, висящий у него на груди, и бросить с него одно из самых любимых своих заклинаний – антигравитационное.

В один миг растерявшегося мага окружило плотной сферой, которая растянулась вверх, до самого потолка, превратившись в объемный эллипс, после чего заклятие включило внутри себя смену гравитационных полей. Маг, которого с силой mSg подбросило к потолку, завопил, но когда почти сразу с той же скоростью его швырнуло на пол, а потом снова вознесло вверх, крик стал напоминать вопль грешника, мучимого в аду. Чары несложные, разрушить их изнутри сферы не составляло труда, но попробуй поколдуй, когда тебя швыряет то вверх, то вниз и всякий раз изрядно прикладывает о подвернувшуюся поверхность. А вот снаружи сфера имела три степени защиты, и распутать ее стоило немалого труда.

Растерянные спутники неудачливого мага повернулись к нему, и в тот же момент Руин, поднатужившись, опрокинул на них стол. И нырнул в кухню – ему нужна была солонка.

Солонку он нашел быстро, причем большую. Немного магии в ладонях; Арман снял крышечку, подбросил полную солонку к потолку и подул. Облако соли, приняв форму большого неправильного шара, устремилось в разгромленную столовую. Не теряя времени, молодой маг схватил перечницу, откупорил ее и бросил себе под ноги. Немного магии – и перед Руином заклубилось густое сероватое облако. Хозяин дома отпрыгнул назад и выскочил в другую дверь кухни, выходящую в небольшую хозяйственную комнатушку и дальше в холл.

Сзади неслись проклятия и вой. Должно быть, ни облако соли, ни облако перца особого удовольствия преследователям не доставили.

Если бы не Моргана, молодой человек давно бы выскочил из дома, и лови его, как ветра в поле. Но в таком случае не стоило бы и соваться.

Руин вывернул в холл, благо всюду лежали пышные ковры, глушащие шаги, налетел на мага, который, шатаясь, выбирался из столовой – должно быть, тот самый, который испытал на себе все прелести антигравитации и которого все-таки вызволили из защищенной сферы. Молодой маг пнул его под колено, обездвижил затейливым парализующим заклинанием и кинулся вверх по лестнице. Слабая надежда, что удастся подхватить на руки Моргану и куда-нибудь телепортироваться, поддерживала его в схватке и теперь обрела силу ясного плана. Наверху должен был остаться один маг, тот, которого терзал призрачный варан, и если даже он сумел избавиться от магического существа, вцепившегося в его шею, то вряд ли он в форме. С ним есть надежда справиться.

Внизу закричали: «Он здесь, он на лестнице!» Руин буквально впорхнул на второй этаж, толкнул ногой дверь – и едва не сбил с ног мага, того, дравшегося с прозрачным вараном. Они сцепились на пороге. От Морганы Руина отделало буквально несколько шагов, и это добавляло ему ярости. Глаза его уже начали темнеть, и он с трудом удерживался от того, чтоб не рухнуть в глубины неистовства, из которых нет пути назад. Сильным заклинанием Арман опрокинул противника внутрь комнаты. Вихрь завертел мага, отбросил его в глубь комнаты. Опомнившись, молодой маг обернулся и оставил на пороге комнаты небольшой сюрприз для преследователей, которые уже грохотали сапогами в холле и по лестнице.

Руин кинулся к Моргане, протянул руки, чтоб подхватить ее на руки. Портал был наготове. Маг, отброшенный вихрем в угол, за кресло, схватился за ухо, выдернул серьгу и сжал ее в пальцах. Арман ощутил опасность за миг до того, как в комнате вспыхнул небольшой пожар, взорвавшийся тысячей огненных искр. Маг, прижав к себе сестру, окружил себя и ее единой защитой. Похоже, нападающий был доведен до крайности, потому что пустил в ход настоящее боевое заклинание, которое уничтожает врага в прямом смысле этого слова.

Защита пеленала Руина и Моргану, а вокруг них бушевал пожар. Ворвавшиеся в комнату двое магов накинулись на пожар, как на самого опасного врага. Впрочем, таковым он и был, способный за несколько мгновений пожрать дом и всех, кто в нем находился. Правда, их пыл почти сразу угас, и они начали яростно чесаться – на пороге их настигло заклинание чесотки, слишком слабое, чтоб распознать его на бегу, но достаточно неприятное, чтоб отвлечь от противника.

Только молодому магу было не до того, чтоб пользоваться плодами своего колдовства. Пламя палило защиту Руина, как бумагу, и лишь нараставшие, как луковая шелуха, слои, спасали его и сестру от гибели. В таких обстоятельствах поставить портал было невозможно.

Пожар угас стремительно, как только через порог комнаты шагнул последний маг, тот, которого Арман определил, как самого сильного. Под жестом его руки пламя умерло, как последний вздох умирающего. В то же мгновение хозяин дома снял свою защиту, уронил сестру на пол и бросил в своего спасителя мощное сметающее заклинание. Это был его последний резерв, хранившийся в глубине артефакта, составленный тщательно и с любовью – сильные чары, напоенные лишь самым минимумом энергии, чары, которые пили силу из того, в кого попадали, извлекали энергию из его сопротивления.

Враг не попытался увернуться, он переплел пальцы и выставил их перед собой. Сила в мгновение ока напитала его жест, защита, выставленная вокруг тела плотным куполом, сияла, как солнце – больно смотреть магическим взглядом. Чародей перехватил чужое заклинание в полете, вывернул в сторону и, лишь в его инерции, обернул вокруг скорлупы своего незримого панциря и впитал. От тщательно составленной формулы Руина не осталось и следа. Арман, отстраненно наблюдая происходящее, понял, что имеет дело с архимагом, наверняка не меньше, а раз так, то его дело – труба.

Молодой человек попытался быстро составить что-нибудь увесистое, использовав последние силы, которые у него были. Он не обращал внимания на двух оставшихся чародеев, да те и не пытались вступать в схватку, превращавшуюся в битву титанов (только один из двух совсем вымотался, да и силами второму уступал) – просто стояли в сторонке и ждали. Архимаг, не склонный, как прежде, смотреть на противника сверху вниз, без труда, но очень сильно отразил атаку и ударил сам.

Арман сделал движение увернуться и тут внезапно понял, что если не в него, то чары непременно попадут в Моргану – и попытался перехватить их в полете. Пусть даже это всего лишь парализующее заклинание, лишь чуть мощнее, чем обычно, но, наложившись на прежнее, оно может сковать все мышцы тела, в том числе и сердечную. И тогда его сестра умрет. Молодой маг вполне отдавал себе отчет в том, что не совладает с магией чародея, превосходящего его самого по уровню на много порядков. Но даже если попытке остановить заклятие в воздухе предстояло окончиться смертью Руина, он был готов заплатить и такую

цену. Подвергать жизнь сестры опасности он не собирался.

Арману, коснувшемуся чужих чар, показалось, что он сунул руку в накаленную жаровню. Отдача отшвырнула молодого человека назад и приложила о стену. Остатки заклинания опутали его, как сеть, сдавили и проникли в глубины сознания. Изо всех сил сопротивляясь подчиняющему действию, Руин сполз на пол, дрогнул, рванулся, сделал два слабых движения, похожих на агонию раздавленного червяка и ткнулся носом в истерзанный ковер. Он терял сознание не как все обычные люди, а постепенно, рывками, и довольно мучительно.

Архимаг медленно расплел гибкие, тонкие, будто у красивой девушки, пальцы и устало размял ладони. Подошел к Руину. Ткнул его ногой. Нагнулся, прислушался к дыханию, оттянув веко, посмотрел глаза.

– Вот задница! – простонал другой чародей, из младших, послабее, с трудом собирая крупицы сосредоточения, чтоб избавиться от заклинания чесотки. Слабые чары, которые легко снять, но прежде надо перебороть их, сконцентрироваться, а вот это – нелегко. Какая концентрация, когда зудит все тело и не хватает рук для того, чтоб чесаться? По тону мага-мученика чувствовалось, что больше всего ему хочется завернуть соленое словцо, но крепкие ругательства черным магам противопоказаны. Почти никто уже не помнил, почему от ругательств или даже просто непристойностей, произнесенных в голос, независимо от тона, у черных магов начинала бунтовать энергетика. – Вот гад! Он жив?

– Жив, – ответил архимаг, разогнувшись. – Просто без сознания.

– Ну я ему еще покажу, когда очнется. Я ему покажу облако перца. Я ему покажу облако соли. Я ему покажу чесотку. Ублю…

– Тихо-тихо! – велел архимаг. – Уймись. Договоришься так до нехорошего…

– Простите, учитель.

– Надо признать, что молодой человек талантлив. Интересные заклинания… Что с Эйбором?

Один из младших магов подошел к неподвижному собрату, на которого Руин обрушил свои заклинания первым. Эйбор был неподвижен, он пролежал на полу, на потрепанном и потемневшем от копоти ковре на протяжении всех схватки. Хозяин дома и преследующие его маги бегали со второго этажа на первый, с первого на второй, а Эйбору не было никакого дела. Младший чародей нагнулся, попытался посмотреть, что это с ним, но защитная сфера, все еще укрывавшая его – артефакт действовал, – не давала прикоснуться к телу.

– Учитель, к нему не пробиться.

– Сейчас. – Архимаг подошел, с трудом распутал заклинание, и то лишь потому, что в артефакте сработали лишь самые слабые защитные чары, так называемые базовые, остальные начинали действовать лишь по велению владельца. Но владелец не отдал соответствующее веление. – Посмотри теперь.

Ученик архимага нагнулся, прикоснулся к щеке Эйбора, потряс его за плечо, пощупал шею. Потом схватил подвеску, висящую на шее. Приложил ее к плечу неподвижного собрата. Ошеломленный, обернулся.

– Учитель… Эйбор мертв.

– Что? – встрепенулся тот. – Что ты болтаешь?

– Но, учитель… Он и в самом деле мертв.

Архимаг торопливо подошел, выбросил ладонь, заполыхавшую магией, поводил ею. Помолчал.

– И в самом деле. Мертв. Эйбор мертв. Этот мальчишка умудрился убить его. Мальчишка! Он, кажется, даже не магистр. Что было написано в списках?

Один из младших чародеев зашелестел бумагами, вынутыми из-за пазухи.

– Не магистр. Здесь написано, что он – маг шестого уровня, – подтвердил он, глубоко изумленный и к тому же напуганный.

– Ерунда. Самое меньшее – девятый или десятый уровень. Вот дерьмо! – Архимаг не выдержал, пнул Руина ногой. Тот не дернулся. Да и как он мог дернуться, если пребывал без сознания, под действием чар.

– О-ох! – простонал третий, буквально вползая в дверь. – О-ох… Живого места нет. Весь в синяках. Еще и ребро сломано, может, даже и не одно. Наверняка. Чертово заклинание.

– Не скули, – грубо оборвал архимаг. – Твоему учителю повезло еще меньше. Мальчишка его и вовсе прикончил.

– Не может быть.

– Не может – но есть. Сейчас открою портал. А вы двое берите пленников.

– Чур, я девицу понесу.

– Нет, я потащу девицу. Сам тащи этого чокнутого.

– Цыц! – оборвал архимаг. – Ты понесешь девицу, ты – парня. А тело Эйбора понесу я. В подпространстве, – добавил он, поглядев на своего приятеля, который так недавно еще дышал, ходил, колдовал и с которым они вечно соперничали. Теперь соперничать не с кем. «Подумать только, – невольно задумался чародей. – На его месте вполне мог оказаться я. Ведь мы были почти равны по силе. Пользуясь неожиданностью, мальчишка убил его. Мог убить меня. Это же чистая случайность». Архимагу стало плохо. – Я понесу его в подпространстве, – закончил он. – Ему уже все равно.

Он подошел, поднатужился, поднял тело приятеля на руки и стал вспоминать, куда он дел нужный артефакт. Вспомнил, что сперва нужно «пробудить» магический предмет, и, как положено поступать с кольцом, надел его на палец и прочел нужное заклинание. Подпространство, дохнув легким холодом и ароматом озона, поглотило безжизненного Эйбора. Оправляя куртку и рубашку, чародей подошел посмотреть на Руина. Покачал головой.

– С ума сойти. Мальчишка – смотреть не на что. Не реши я с Эйбором заглянуть сюда после посещения метрополии, после попытки захвата патриарха

Мортимеров, этот молодчик сделал бы ноги. А еще, может, прикончил бы вас, бездари. – Он покосился на учеников. – Болваны. Все заклинания позабыли? А заклинание очистки воздуха что, я вам не преподавал? Было сказано, что на Белой стороне без этого заклинания нельзя появляться. На Белой стороне столько заводов, что… – Он покачал головой, не зная, как бы еще выразить свою досаду. – Болваны. Без меня ни на что не способны.

– Но, учитель. – Пыхтя, один из младших магов принялся взваливать на плечи неподвижное тело Армана. – Но ведь вы не захватили патриарха.

– Ну так это неудивительно. Старший Мортимер – архимаг, и не из последних. Так и было решено, что если уж удастся, то тогда и захватим. Попробовать стоило. Не повезло, так не повезло. С патриархом сидел его сын, тоже архимаг, да еще дочка прибежала из соседней комнаты. С чего бы им было не отбиться? Мы с Эйбором – заметь – не справились с тремя архимагами. А вы, болваны, спасовали перед пареньком, который даже не магистр… Да и вообще, – спохватился он вдруг. – Ты кто такой, чтоб я тебе давал отчет? Ты обнаглел.

– Простите, учитель.

Архимаг шевельнул ладонью, и посреди пола распахнулся светящийся овал портала. Младший маг, несущий на руках Моргану, шагнул туда и пропал. Ученик Эйбора, постанывая, держась за бока, пополз туда же. Последний задержавшийся в доме Руина ученик, грустно поглядев на наставника, поволок пленника следом. Чародей задержался, разглядывая растерзанную обстановку комнаты. Поломанная мебель, порванная ткань, пятна копоти на паркете и стенах, обои, обгоревшие там, где их коснулся магический огонь, остатки ковра… Да, любой, кто взглянул бы на комнату, понял бы, что здесь произошло настоящее побоище.

«Должно быть, внизу царит не меньший разгром, – подумал он. – Ребята совершенно перевернули кухню и столовую. Особенно столовую. Ну-ну… Но каков Мортимер. Даже не магистр, продержался так долго против двух архимагов – прочую мелюзгу я даже не считаю… – Он вспомнил Эйбора, безжизненно валяющегося в артефакте, и поджал губы. – Не только продержаться, но и убить одного из них. А я думал, это невозможно. Да уж…»

Глава 3

Руин пришел в себя рывком, так, будто в мгновение ока вынырнул со дна глубокого пруда. Он подскочил, приподнялся на одном колене прежде, чем у него окончательно прояснились зрение и слух. Моргана, сидевшая рядом с ним, машинально отпрянула, но он схватил ее за руку. Ощущение ее живой, теплой кожи успокоило молодого человека. Она здесь и она жива – это главное.

Он держал сестру мертвой хваткой. Может быть, от испуга, может, от облегчения, но он сжал ее руку с такой силой, что девушка побледнела от боли и невольно поморщилась. Попыталась вырваться, правда, довольно неуверенно – ведь она настолько любила своего брата, что даже признавала за ним право сделать ей больно. Конечно, он не отпустил. Подтянув сестру поближе, Арман огляделся.

Они сидели на каменном полу в небольшом помещении, которое и комнатой-то трудно было назвать, потому что вместо одной из стен к высокому потолку возносилась арка, она открывала проход в соседнюю залу. Зала была просто огромная, перед ее размерами, наверное, побледнел бы даже холл метрополии Мортимер – тот самый, с фонтаном вина и раззолоченным родовым древом на стене. Зала возносилась на высоту девяти-десяти жилых этажей, все это великолепие воздуха и света венчала стеклянная крыша. В середине каменного пола куполообразной залы были поставлены павильончики, похожие на яркие шатры, да в грандиозных стенах были устроены ниши и переходы – это уже чуть повыше.

Именно потому, что размеры этого холла были поистине непостижимы, Руину показалось, будто он пуст. Но, присмотревшись, он понял, что это отнюдь не так. На полу буквально некуда было ступить. Большая часть людей, находившихся здесь, лежали или сидели, некоторые ходили с хозяйским видом и бумагами в руках или стояли столбом, гордясь навешанным на них оружием и яркой формой. Те, кто лежал или сидел, в противоположность, выглядели очень плохо – синяки, ссадины, рваная одежда. Перед глазами Армана медленно рассеивался туман, он помотал головой и посмотрел на тех, кто лежал у ближайшей стены, напротив.

В воздухе чувствовался металлический запах. Вдалеке, должно быть, за стеной одной из высоченных ниш огромной залы, кто-то кричал. Наверное, кого-то били.

Эта мысль дошла до Руина не сразу, очень медленно, он чувствовал абсолютное равнодушие. Один из застывших поблизости охранников, заметив резкое движение Армана, схватился за палку, висящую на поясе в кожаной петле, но бить не стал, потому что Руин пока оставался сидеть. Молодой человек не был уверен, что устоит на ногах. Он смерил охранника с палкой оценивающим взглядом, после чего взглянул на Моргану.

– С тобой все в порядке?

– Да, – шепотом ответила она.

– Тебе ничего не сделали?

– Нет.

Он взялся за гудящую голову, помассировал виски.

– Ты что-нибудь понимаешь?

Девушка отрицательно замотала головой.

Руин еще раз огляделся, словно примериваясь, на кого кидаться сперва. Взгляд наконец прояснился, и Арман понял, кто именно наполняет залу и ниши вдоль стен, в том числе и ту, где сидел он сам. Конечно, он смотрел не на охранников и чванливых чужаков с бумагами в руках – он рассматривал потрепанных, измученных людей и убеждался, что это его родственники, Мортимеры. Вот Ниорет, Рааль и Арно, вот Веридан, а вот его дочери: Ариата и Зилла. Вот Эринхад, весь в синяках и ссадинах, кровь на лице. Лежит неподвижно, то ли в обмороке, то ли просто трудно двигаться. Арман поднялся было, шагнул к родичу, думая помочь, но тут перед ним вырос охранник с палкой.

– Сидеть, – прорычал он.

Руин попытался оттолкнуть его. С трудом увернулся от удара, сделал движение ткнуть противника костяшкой пальца под ребро – и тут его тело скрутила болезненная судорога. Молодой человек схватился за грудь, чувствуя, как у него перехватывает дыхание, и, конечно, пропустил удар. Палка швырнула его на

колени, на пол, потом чувствительно прошлась по почкам. Боль ударила в виски, затопила мозг, заволокла чернотой глаза.

– Сидеть, я сказал!

– Руин! – вскрикнула Моргана, кинулась к брату, будто собиралась обнять его и закрыть собой, но охранник больше не пытался бить. Он постоял, убедился, что «клиент успокоен», и флегматично вернулся на свое место.

Перепуганная девушка обнимала брата за плечи, она попыталась уложить его поудобнее, но маг довольно резко вырвался, приподнялся, повернул к сестре голову. Его лицо напоминало маску; каждая мышца в напряжении, кожа – пепельный пергамент, зрачки от боли расширились так, что закрыли радужку. Лишь они и жили на лице, и были полны гневом.

– Никогда, – произнес он тихо, но голос клокотал. – Не пытайся встать между мной и нападающим. Никогда – ты поняла? Даже близко подходить не смей.

Моргана испуганно и покорно кивнула.

Чувствуя на себе внимание давешнего охранника и стараясь не терять его из виду, Руин решился сперва осмотреться и лишь потом вновь кидаться в драку. Сперва он задумал осмотреть блоки. У него появилось смутное ощущение, что эта странная напасть, не позволившая ему всласть подраться с охранником, таится в блоках. Он решил так, возможно, оттого, что блоки оказались единственным посторонним предметом у него на теле.

Блоки имели форму широких стальных браслетов с двумя кольцеобразными скрепами. Арман уже достаточно разбирался в разного рода магической блокировке, чтоб определить – его для гарантии окрестили младшим магистром и соответствующим образом обошлись. Но главным было не это. Браслеты хоть и давили, но не очень сильно. Зато в них таился какой-то сюрприз. «Это заклинание, не позволяющее мне никого бить, – вдруг догадался Руин. – Наверное, реагирует на проявления агрессии. А может, не позволяет и сопротивляться?»

Машинально он принялся прикидывать, как бы стал сглаживать подобные чары в русле белой магии, к которой здорово привык. Потом вспомнил, что магия

нападающих уж больно смахивала на черную, и сделал необходимую поправку. Он был магом от Бога, и, пожалуй, ничто не интересовало его больше, чем магия. Сложные задачи лишь подогревали его интерес, теоретические изыскания занимали ум, и Арман автоматически стал рассчитывать, сколько времени может ему понадобиться на подобные изыскания.

Всем известно – если знаешь, как устроено, будет проще раскурочить. Мириться с ситуацией, при которой он даже в морду не может дать, Руин не собирался. А вдруг кто-нибудь полезет к Моргане?

По залам разгуливали люди. Двое охранников приволокли еще одного Мортимера, избитого больше других, и швырнули рядом с Арманом. Из-за синяков не было видно лица, но когда он рухнул на пол и, охнув, видимо пришел в себя, из-под спутанной челки на молодого мага посмотрели совершенно спокойные, даже улыбчивые глаза.

– Ё-моё, – негромко произнес он и облизал губы.

– Привет. Тебе помочь? – Руин осторожно пересел поближе. Помог родственнику сесть и опереться спиной о стену. – Ты как?

– Да вроде ничего. Не дождетесь! – громко рявкнул Мортимер вслед громилам, притащившим его сюда. Те даже не обернулись. – Сволочи.

– Послушай… – Руин расстегнул на нем рубашку, вернее, ее остатки, и осмотрел плечо, которое у его родича здорово болело – парень все ежился и косился на него. Арман осторожно ощупал. – Так, похоже, трещина.

– Плевать. До свадьбы заживет.

– Послушай, ты понимаешь, что происходит?

– Знаешь, пока нам нужно понимать только одно – черные… А это именно черные, на физиономиях написано… Черные напали на наш клан. Вот и все. А о причинах подобного поступка можно будет поразмыслить и потом.

– Странно. Я и не думал, что черные имеют возможность вот так вот запросто носиться туда-сюда через границу, охотиться на представителей центритских кланов.

– Я тоже не думал. Прежде ничего подобного не случалось.

– Да? И ты так спокоен?

– Нет смысла нервничать раньше времени.

Руин задумчиво огляделся.

– Ты считаешь, что волноваться рано? Ну ладно. Когда же будет не рано? Значит, ты тоже уверен в том, что агрессия черных направлена на клан Мортимеров?

– Да. Сам посмотри – вокруг все наши младшие родственники. – Парень прищурился, разглядывая Руина. – Странно, что они прихватили тебя. Ты темноволосый… Ты же Арман, верно? На Мортимера мало похож.

– Верно. Руин Арман-Мортимер. Это – моя сестра Моргана.

– Дин. Дин Мортимер. – Он протянул Руину руку, но, поморщившись, тут же выдернул обратно. – Черт. Больно.

– Конечно, больно. Терпи.

Они отвлеклись от беседы, потому что неподалеку остановились двое чужаков с равнодушными минами и с большими папками, откуда во все стороны торчали листы бумаги. Дин косился на них очень напряженно, улыбка разом пропала из его глаз, и шутливый блеск испарился, как дымок потухшего костра. Руин тоже посмотрел туда же. Наблюдал он и за охранниками поблизости. Они то и дело переходили с места на место, кого-то притаскивали и швыряли на свободное место пола или просто куда попало.

Кто-то, совсем недалеко от ниши, где находился Арман, то ли возмутился, то ли потребовал объяснений. Ответ последовал немедленно. Возмутившегося принялись лупцевать палками сразу двое охранников. Руин рванулся туда, Дин

тоже, и Веридан не собирался отставать. Но хватило одного-единственного рывка. Первым, корчась от боли, свалился Руин, вслед за ним и двое остальных. Судорога, спеленавшая тело, была чудовищна, у молодого мага перехватило горло, стало трудно дышать, не сглотнуть слюну. Он стиснул зубы и заставил себя окаменеть. Ни одного желания, ни одной мысли – если блоки реагируют на желания, на побуждения, то следует очистить свой разум, чтоб заклинанию не за что было уцепиться.

Он медленно приходил в себя, лежа на боку рядом с Морганой, которая залилась слезами над мучающимся братом, и видел, как корчится рядом с ним Веридан. Он успел пробежать больше всех, прежде чем и его свалила судорога. В отличие от Руина, он упорно рвался на помощь, даже уже валяясь на полу, и в конце концов потерял сознание. К тому моменту бить уже перестали, избитого уволокли, и чужак с бумагами флегматично что-то черкнул в своем списке.

Потом он повернулся к Руину и, неторопливо огибая лежащих и сидящих Мортимеров, прошел в нишу. Остановился перед Арманами, посмотрел на Моргану. Ее брат напрягся, стараясь, чтоб это было незаметно. Притом он заставил себя оставаться спокойным и довольно равнодушно выбрал на теле черного местечко, куда можно быстро ударить, отправив его в обморок, а при удаче и в небытие. А потом пусть с ним делают, что хотят.

– Моргана Мортимер? – холодно спросил черный, глядя на женщину почти бесстрастно.

– Что от нее нужно? – спросил Руин, вставая. Чужак, не снисходя даже до взгляда, сделал знак охраннику. Тот схватил Армана и отволок его в сторону. Молодой человек вздумал было сопротивляться, но даже удара дубинки не почувствовал – его снова сковала судорога.

– Я спросил, вы – Моргана Мортимер?

Девушка поднялась с пола. Замешательство и испуг на ее лице внезапно сменился выражением спокойного достоинства.

– Я – Моргана Арман-Мортимер, – ответила она негромко.

– Это вы замужем за ликвидатором?

– Да, я.

– Где ваш муж? – осведомился черный, захлопнув папку и сунув ее под мышку.

– Мой муж? – удивилась она. – Я не знаю.

– Что значит «не знаю»? – вдруг крикнул черный. – Он – твой муж, ты должна знать, где он находится.

– Я вам ничего не должна, – холодно ответила девушка. Она приподняла голову и стала похожа на королеву, только что взошедшую на престол – величественная и неприступная. – И не понимаю, сударь, почему вы считаете возможным говорить мне «ты»?

Черный швырнул папку на пол и схватил ее за плечи. Встряхнул.

– Говори, где твой муж, ты, мортимеровская дрянь, ликвидаторская подстилка! Где твой хахаль?

Моргана поджала губы. Она была спокойна, и казалось, оскорбления просто не доходят до ее сознания.

– Я не знаю, где мой муж, – вполголоса произнесла пленница. – А если бы даже знала – не сказала бы.

Черный ударил ее по лицу. Слегка, но голова девушки дернулась, и на нежной щеке вспыхнуло алое пятно.

– Говори, сучка, иначе тебя по-другому будут спрашивать.

– Берегись, – прошипел Руин – негромко, но так, чтоб черный услышал. – Потом я тебя найду.

– Молчать, – рыкнул охранник и ударил Армана по губам. Молодой маг ненадолго обмяк в руках громил. Мотнув головой, облизал кровь с губ.

– Ты будешь говорить? – повторил черный, встряхнув Моргану еще раз. – Где твой муж?

– Я этого не знаю.

– Ты должна знать, где он прячется. Хочешь сказать, что твой муж не сообщил тебе координаты его убежищ?

Моргана слегка побледнела, но присутствия духа не потеряла.

– Зачем мне координаты убежищ? Я даже не маг первого уровня, не умею ставить порталы и пользоваться артефактами на перемещение.

– Лжешь. Знаешь. – Черный сжал плечи девушки так, что она вскрикнула, оттолкнул ее от себя. – Ничего. И так найдем. Тогда ему небо с овчинку покажется. Да и тебе не поздоровится, – и, сделав знак, чтобы Руина отпустили, ушел.

Моргана медленно сползла на пол, царапаясь спиной о грубую каменную стену.

Брат подполз к ней, но тут же убедился, что сестра в сознании и даже вполне держит себя в руках. Ни следа паники или истерики – спокойна и сосредоточенна, как истая светская дама, закаленная в интригах. Закусив губу, она смотрела вслед чужаку.

– Так получается, они ищут Мэла.

– Думаю, кто-то решил поймать ликвидатора заодно с остальными Мортимерами. Наверное, хочет свести с ним счеты. За ликвидированного родственника, к примеру. Уж не думаешь ли ты, что ради одного только Мэла похватали целый клан.

– Но за ним охотятся. Что же теперь будет?

– Успокойся. Поверь, крепкий мужчина, которого еще пока даже не поймали, находится в большей безопасности, чем ты, уже схваченная.

– Мне никто не будет мстить. Не за что.

– Зато у многих мужчины могут возникнуть другие соблазны, – холодно ответил Руин. – Успокойся. Мэл – крепкий мужик, он сможет о себе позаботиться, ему не впервой бегать и прятаться.

– Он никогда еще не бегал от всей Черной стороны разом.

– Не болтай ерунду. Ты слишком преувеличиваешь. На Мэла точит зубы не вся Черная сторона, а только несколько миров. И то не в полном составе.

– Руин!

– Что?

– Ты никогда его не любил.

– Хватит и того, что его любишь ты. Я буду о тебе заботиться, родная моя. Заботиться о Мэле – это уже как-то чересчур. И потом, он еще не пойман. Слышала, что сказал черный? Они не знают, где ликвидатор. Успокойся. Мэл вывернется, я уверен. Вывернуться бы тебе – совсем бы было хорошо. Слышал, что сказал черный? Его слова сильно смахивают на угрозу.

Краем глаза Руин почувствовал движение и повернул голову. По узкому проходу, осторожно ступая по скудно открытому пространству пола, шел невысокий рыжеволосый парень в светлой, неплохой, но сильно мятой одежде. Можно было подумать, что его рубашку корова жевала или он по перине в ней валялся – долго и старательно. Арман неодобрительно поморщился. Первое, что пришло ему в голову – он-то ни за что бы не надел подобную рубашку. Ни за что. За рыжеволосым следовал еще один черный с папкой.

Взгляд рыжеволосого не понравился Руину сразу. Это был взгляд оценивающий, выбирающий, и молодого человека вдруг посетила мысль, до того неприятная и поэтому настолько вероятная, что он стиснул зубы. Что же собираются делать с захваченными в плен Мортимерами? Уничтожить их? Вряд ли. Зачем бы в таком случае было их захватывать? Слишком много мороки, следовало бы тогда убивать на месте. Что тогда – держать их в этой огромной зале? Тоже вряд ли.

Кто и где будет содержать пленных и почему их сразу не раскидали по камерам? Уж не потому ли, что собираются передавать по одному или по двое каждому из черных с такими вот ищущими, оценивающими взглядами?

Арман понял, что земля шатается у него под ногами, и не потому, что он сам может оказаться в плену у кого-нибудь недоброго, а потому, что его скорей всего разлучат с Морганой. Кто же тогда позаботится о ней?

А рыжеволосый тем временем остановил взгляд на сестре Руина. В глазах его вспыхнул характерный огонек, и он направился в ее сторону. Взгляд его был настолько откровенен, что белый маг немедленно решил – он не позволит этому жеваному хлыщу увести его сестру. Прибьет его на месте – и будь что будет. Мысль, что перебить всех черных, которые могут польститься на его сестру, он не в состоянии, не пришла в голову Арману. Сейчас им владели одни лишь чувства.

Рыжеволосый, конечно, заметил взгляд пленника, ненавязчиво придвинувшегося к прелестной девушке, и его воодушевление несколько притухло, а шаг стал менее целеустремленным. Но идти он не перестал. Вошел под своды ниши, остановился в трех шагах от Морганы, опустившей глаза и наивно надеющейся, что такой смущенной и скромной ее не заметят.

– Кто она? – громко спросил рыжеволосый, не скрывая восхищения в голосе. Руина передернуло – и от его восхищения, и от наглости. Как это можно – в присутствии дамы говорить о ней так, будто ее здесь нет, или, хуже того, будто она – всего лишь предмет? Арман вспомнил, как вели себя мужчины на невольничьих рынках Провала (именно так и поступали), и мысленно пообещал, что выдернет рыжему ноги.

Сопровождающий мятого человек в ответ зашелестел бумагами.

– Ее зовут Моргана Мортимер. Арман-Мортимер.

– Мортимер? В самом деле? Леди черноволоса…

– По бумагам – Мортимер, значит, так и есть. Может, она красится, – остроумно предположил черный. Руин заметил, как напряглось лицо его сестры. Она посмотрела на говорившего зло, будто собиралась укусить, но ничего не

сказала.

– Ну неважно. Я могу ее забрать?

– Разумеется.

Арман стиснул зубы и напрягся. Что-то такое рыжеволосый краем глаза заметил в его лице. Повернул голову, присмотрелся. Поморщился, но, поколебавшись, спросил:

– А это кто? Тоже Мортимер?

– Да. Тоже Арман-Мортимер.

– Брат?

– Именно.

– Так, ну давай и этого.

– Ага. – Черный залез в папку. Пошуршал листками. – Так, Рикардо Алзара, один пленник. За вами можно записать только одного. Записать леди?

– Запиши ее братца за Ринальдо Лайварро. Ему полагается еще один.
Я распишусь за него. Я поручался за Ринальдо и могу ставить за него подпись.

– Да-да, не спорю. Двое Арман-Мортимеров… Все, записал.

– Где расписаться?

– Тут. – Черный ткнул пальцем в листок. Рикардо старательно вырисовал две закорючки.

– Алзара, ублюдок! – прошипел кто-то слева от Руина и, повернув голову, тот увидел Веридана. Мортимер пришел в себя и, увидев Рикардо, ощерился, как дикий зверь. Он сам на себя стал непохож – подобное выражение не было

свойственно представителям белобрысого клана. Ярость, написанная на его лице, была так сильна, что казалось, от его взгляда вот-вот воспламенятся бумаги в кожаной папке. Вспомнив, что вместе с Вериданом схватили его старших дочерей, Арман понял эту ярость.

И наверное, забота о Моргане и опосредованно – о других женщинах клана, сидящих неподалеку, помешала ему понять значение сказанного. Но мгновением позже он вдруг понял. Алзара! Алзара? Таково было фамильное имя одного из центритских кланов. Кстати, представители этого клана все поголовно рыжеволосы.

Руин с отстраненным любопытством посмотрел на парня, выбравшего Моргану. Как интересно. Алзара? Здесь, на черной стороне?

А Веридан не унимался. Приподнявшись на локте, он впился в Рикардо таким взглядом, что тот, даже не глядя пленнику прямо в глаза, залился мучительной краской. Рыжие вообще легко краснеют.

– Алзара, предатель! – выдохнул Мортимер, будто перчатку в лицо швырнул. Будто плюнул в глаза. – Подонок. Что, на стороне черных слаще? Ну смотри. Ты еще за все ответишь. – Подскочивший охранник взмахнул резиновой дубинкой, ударил раз, другой. Веридан поневоле взвыл, но в его вое звучало все то же. – Ответишь!

– Прекратите! – не выдержала Моргана. Дернулась вперед – и зашаталась, побледнев. Должно быть, и на нее надели блоки с особым заклинанием, не пожалели. Рикардо Алзара заботливо поддержал ее под локоть.

– Прекрати, – бросил он охраннику. – Не надо… Идемте, мадам. Позвольте звать вас по имени, леди Моргана?

– Это не слишком вежливо, сударь, – холодно ответила девушка, выдернув локоть. – Не трогайте меня.

– Вам лучше последовать за мной, мадам. Ваш брат пойдет с вами.

– Не трогайте меня, – повторила она. Глубоко вздохнула, прикрыла глаза. Взяла себя в руки. – Я пойду за вами.

Руин встал рядом с сестрой, потом шагнул немного вперед. Ему пока не приходило в голову, что, если бы Алзара хотел причинить вред Моргане, он просто не стал бы брать с собой ее брата. Пока не приходило, но с неизбежностью должно было прийти. Единственное, о чем он подумал сейчас – что пока он остается с ней и сможет защищать ее. И если не защитить, то хотя бы попытаться это сделать.

Алзара провел своих пленников сквозь портал, поставленный с артефакта. В тот момент, когда Моргана перешагнула тонкую светящуюся границу телепорта, ей в глаза ударил солнечный свет. Она остановилась, щурясь, прикрыла развернутой ладонью глаза и огляделась. Первое, что она увидела вдали – море, огромное синее пространство, лишь чуть темнее, чем небесный свод, выгибающийся над ним чашей, а под ногами – камень террасы. Край рукотворного обрыва, не защищенный даже перильцами, находился в метре от нее, но девушка не дрогнула.

Она не испугалась. Ей было хорошо. Красота окружающего мира захватила ее душу, и Моргана, очарованная панорамой, замерла неподвижно, любуясь.

– Моргана! – позвал Руин.

Девушка обернулась.

Она стояла на террасе замка. За спиной вздымалась серая стена, слева узкая лесенка, которая, должно быть, вела во внутренний дворик замка, а справа края террасы касались кроны деревьев. Рикардо и Руин ждали ее, стоя у лестницы. Рыжеволосый уже проявлял нетерпение. Девушка вздохнула и заспешила за мужчинами.

Они спустились во внутренний дворик, утопающий в зелени – должно быть, сад, где между розами, многоцветными лилиями и мальвами шныряли гремлины. Потом по трем ступенькам они поднялись к двери, прошли по коридору и целой череде комнат, больше похожих на небольшие залы, и вышли на балкон – широкий, как давешняя терраса, только защищенный перилами и уставленный

удобной мебелью. Он выходил на густую зелень леса, покрывавшего пологий склон горы и спускавшегося к морю.

Рикардо широким жестом показал на креслица вокруг стола, уже накрытого.

– Присаживайтесь. Поговорим.

Моргана опасливо опустилась в мягкое кресло. Оно оказалось удивительно уютным, и ей тут же захотелось свернуться в нем клубочком. Девушка с трудом удержалась. Все-таки этот поступок мог показаться хозяину замка вызывающим. Она осталась сидеть, церемонно выпрямив спину.

Руин опустился в кресло рядом с ней. Он казался расслабленным, но на самом деле бдительно следил за каждым движением Рикардо. Как только он сел, из-под кресла выскочил гремлин с роскошным белокурым чубом, вспрыгнул на стол и принялся снимать колпаки с блюд. Колпаки он складывал в стопку, и та скоро стала в три раза больше, чем тельце существа. Но гремлин нисколько не терялся. Балансируя огромной пирамидой, он спрыгнул со стола и исчез.

– Угощайтесь, – предложил хозяин замка.

– Скажите, это правда, что вы – Алзара? – спросил Руин.

Рикардо, уже взявший бокал, посмотрел на него длинным взглядом.

– Да, – помолчав, ответил он. – Алзара. И что же?

– Можно ли задать вопрос – что же в таком случае вы делаете на Черной стороне? – очень вежливо осведомился Арман.

– А что может черный маг делать на Черной стороне? Я здесь живу.

– Интересно… Эта агрессия в отношении Центра… Вам кажется, что вполне естественно принять в ней участие?

– Разве я принимал в этом участие? – деланно удивился Алзара. – Я не участвовал в нападении.

– Тогда за какие же заслуги тебе позволили взять двоих пленников? – проницательно поинтересовался Руин. – За красивые глаза?

Рикардо мучительно покраснел. Но ничего больше. Пока он держался.

– Я оказал кое-какие услуги, согласен. Кстати, ты мог бы поблагодарить меня, что я забрал вас с сестрой. На Моргану было подано около пятнадцати заявок. Она уже довольно знаменита в Центре – знаменита своей красотой. – Алзара покосился на девушку, которая залилась краской то ли смущения, то ли гнева.

– Я поблагодарю тебя, если ты нас отпустишь.

– Я не могу вас сейчас отпустить.

– Что ж. Поблагодарю тогда, когда отпустишь. Если, конечно, оба мы никак не пострадаем, пребывая у тебя в гостях, – спокойно ответил Арман. – И, кстати, очень интересно, каковы же оказанные тобой услуги, если тебе позволили забрать себе пленницу, на которую было написано такое количество заявок? – Рикардо снова покраснел. – Да, кстати, Черная сторона теперь, что же, собирается наведываться в Центр за рабами, так я понимаю? Чья очередь следующая, после Мортимеров? Не Алзара ли?

– Прекрати, – вспылил Рикардо. – И дело не в рабах. Вы не рабы – вы пленники.

– Это меня, конечно, здорово успокаивает, – согласился молодой маг. Иронию в его голосе ощутил бы только очень проницательный человек. – Только пока разница не слишком очевидна. Что, по вашему законодательству, ты имеешь право делать с нами? Вернее, чего не имеешь права делать?

– Ну например, убивать. Или калечить…

– Все?

– Ну… Почти.

– Замечательно…

Руин переглянулся с сестрой – в глазах девушки, довольно глубоко, тлел огонек паники.

– Я хочу объяснить, – поспешил Рикардо. – Я ничего не собираюсь делать с вами. Ничего особенного. Поживете здесь, пообщаемся – и все. Я вас отпущу, когда истечет срок, на который была договоренность.

– Какой срок?

– Один сезон.

– Что значит – сезон? На Белой стороне, насколько я знаю, в году четыре сезона. На Черной – по-разному, то ли четыре, то ли два. Так?

– Ну… Да. У нас считают два сезона – зима и лето.

– Значит, на полгода. – Руин снова взглянул на Моргану. Она сидела, опустив глаза, и Арману захотелось прикрикнуть на нее, велеть, чтоб приняла более дерзкий вид. Такой, смущенной и скромной, она казалась настолько прелестной, что у каждого нормального мужчины могла пойти кругом голова. Молодой человек вполне отдавал себе отчет в том, что сейчас, в тисках этих блоков, он не способен оказать черному магу достойное сопротивление. Одно заклинание с его стороны – и все, заступник будет валяться на полу, неподвижный, и сможет лишь смотреть, что станет вытворять хозяин замка с его сестрой.

Арман помолчал. Рикардо тоже не произносил ни слова и, к счастью, на Моргану не смотрел. Он ковырялся в тарелке.

– Ладно, – продолжил Руин. – Попробуй сам оценить произошедшее с точки зрения законов Асгердана.

– Я живу не в Асгердане.

– Но ты клановый. Или ты отказываешься от клана?

Рикардо бросил вилку и отвернулся. Девушка вздрогнула, подняла глаза на хозяина замка и в растерянности потянулась к графину с вином. Налила,

опрокинула залпом и поморщилась. С недоумением посмотрела на графин. По распространившемуся запаху Руин машинально отметил, что вино не слишком хорошее. Моргана, выросшая при дворе властителя Провала и жившая потом в семье такого обеспеченного человека, как один из лучших (и один из богатейших) юристов Центра – отец Морганы, Мэльдор.

– Я не отказываюсь от клана, – глухо ответил он. – Но это не твое дело. Ответь мне, законник, если клан Блюстителей Закона Асгердана дал согласие на рейд против Мортимеров, так какие претензии к черным магам?

– Блюстители Закона? – Руин медленно поднялся с кресла.

Моргана перевела на брата ошеломленные глаза. Потом снова посмотрела на Рикардо.

– При чем тут Блюстители Закона? – не выдержала она, привставая тоже, но, наткнувшись на предостерегающий и довольно холодный взор Руина, замолчала. Она поняла то, что он хотел ей сказать: не лезь в разговор мужчин.

– Ответьте, сударь Алзара, при чем тут Блюстители?

– Я не обязан вам ничего отвечать, – раздраженно ответил Рикардо. – Я сам ничего не знаю. И знать не хочу. Хватит. – Он зло уставился в тарелку. – Есть будете или приказать унести?

– У меня нет аппетита, – хмуро ответил Руин.

– Ну неразумно. Время приближается к полудню. Мадам, хоть вы перекусите.

Девушка, не поднимая головы, отрицательно покачала головой. Рикардо растерянно оглядел сперва ее, потом и мужчину.

– Вы что же, полгода будете от еды отказываться?

– Разумеется, нет, – ответил Руин. – Но прежде чем мы приступим к еде, хотелось бы прояснить кое-что еще. Зачем вам, черным, понадобились Мортимеры?

– Да не то чтоб именно Мортимеры, – пробурчал Алзара. – Не обязательно. Нашим магам нужны были белые чародеи любого уровня силы. Всем известно, что уж клановые-то поголовно обладают магическим образованием. Потому было решено, что объектом нападения станет один из кланов. Конкретно – Мортимеры.

– И выбор пал на Мортимеров потому, что Блюстители Закона выразили свое согласие, не так ли?

– Я этого не говорил.

– Говорил. Но, впрочем, это и неважно. Насколько я понимаю, над пленными будут производиться опыты. Замечательно…

– Руин… – испуганно прошептала Моргана.

– Сестра, успокойся. Подожди. Но согласись, Алзара, результат исследования вряд ли будет полным, если вы будете изучать только слабых магов.

– А у нас не только слабые есть, – похвастался Рикардо.

– Будешь говорить, что вам в плен дался кто-нибудь из наших архимагов? – презрительно усмехнулся Руин.

– Нет. Архимаги не дались. Но наши ребята захватили одного старшего магистра. Леди Кервин Мортимер. Знаешь такую?

– Знаю. – Руин смотрел на хозяина замка, не отрываясь. – Разумеется. Только не боишься ли ты, что Асгердан не замедлит ударить в ответ?

– С чего это? Да вы, Мортимеры, уже всех достали. Центр с удовольствием избавится от вас, я уверен…

– Ну, Рик, то, что ты говоришь, не слишком-то вежливо, – прозвучало из двери. Оттуда выглянул Ринальдо, махнул рукой и снова пропал. Ненадолго. Из дверного проема он появился, таща за собой Спиногрыза. – Особенно странно звучит подобное суждение в свете твоего романа с девушкой из клана

Мортимер.

– Да? – заинтересовалась Моргана. – С кем?

– Ах, какая банальная причина поступка, который иначе, как предательством, и не назовешь, – картинно воскликнул Руин. – Нелады с центриткой, не так ли? Вопрос личной мести.

– Да ее давным-давно в живых нет! Когда это было-то! – завопил побагровевший Рикардо. – И потом – мои дела – не твое дело, Арман-Мортимер. Не лезь в мою личную жизнь!

– Где уж там твоя личная жизнь. Была бы личная, если бы мы не сидели у тебя в плену, Алзара! – ответил взбешенный Руин. Он так и не присел обратно, и теперь этим двоим, рыжему и темноволосому, казалось, вот-вот предстояла драка. – Ты что, сам не понимаешь, что ты подлец?

– Так, господа, господа. – Ринальдо с завидной ловкостью ввинтился между ними. – Вы квиты. Ты, Рик, начал первый, нахамил – теперь тебе ответили. И довольно об этом. Сударь… Если не ошибаюсь, вас зовут Руином, верно? Сударь, сперва надо разобраться в деле во всех подробностях. А потом уже бросать обвинения. Рик, утихни.

– Да я ему… мозги вышибу!

– И не подумаешь. Ты сам записал этого пленника за мной. Он – мой пленник, и мозги ему могу вышибать только я. Так что руки прочь. Руин, присядьте, и давайте перекусим. Мэрлот, вина тащи! Да не эту кислятину. Если нет приличного вина, принеси лучше пива.

– Да, хозяин, – величаво произнес белобрысый гремлин и, поклонившись, исчез.

– Как вы назвали гремлина? – переспросила изумленная Моргана.

Ринальдо повернулся к ней – и ненадолго замер. Медленно поклонился.

– Мадам?.. Мои приветствия. Вы… Вас ведь зовут Морганой, я не ошибся?

– Нет. – Она неуверенно протянула ему руку, к которой Лайварро галантно прикоснулся губами. – Вы не ошиблись. Прошу вас, отпустите меня.

– Отпусти ее, Рино, немедленно, – сумрачно велел Алзара. – Раз уж так, то она-то – моя пленница. И нечего приставать к девушке.

– Я леди не держу, – примирительно сказал Ринальдо. – В отличие от тебя, я никогда не забываю о куртуазности. Наконец-то наш холостяцкий замок украсит своим присутствием прелестная дама… А вот и пиво. Спасибо, Мэрлот… Конечно, грех предлагать женщине пива, но я все же рекомендую – отличный напиток.

– Я не откажусь, – сказала Моргана. Взяла кружку и принюхалась. – Сказать по правде, это пиво лучше, чем это вино.

– Мэрлот, убери это вино и вылей его!

– Что все я да я, – проворчал гремлин. – Будто других нет. Сейчас пришлю кого-нибудь из младших, – и величаво ушел.

– Он, можно сказать, патриарх местного гремлинского рода, – объяснил Ринальдо Моргане. – Потому иногда ведет себя вызывающе. Ну да ему можно.

– Не вызывающе, – возразила девушка. – Он очень достойный гремлин. Гордый – так это и хорошо.

Поколебавшись, за стол сел Руин, устроился в своем кресле и Рикардо – надутый и разозленный, но молчаливый. Впервые за время знакомства с ним упорно молчал Спиногрыз, притулившийся на свободном местечке и недоверчиво разглядывающий содержимое тарелок. Жизнь приучила его с недоверием относиться к новой, необычной на вид и запах еде, а в этом мире вся еда была ему непривычна. С тех пор как перебрался с Ладжера на остров Рикардо, он ходил полуголодным, категорически отказывался от фруктов, картофеля, свеклы и моркови и очень осторожно ел мясо.

Вот и теперь, откромсав себе кусок свинины, Спиногрыз сперва обнюхал его со всех сторон, потом осторожно попробовал на язык. Руин поглядывал на мальчишку с любопытством, не забывая, впрочем, следить за сестрой и

Ринальдо, который плотно принялся за ней ухаживать. По ищущему взгляду девушки можно было догадаться, что она с удовольствием держала бы на расстоянии непрошеного кавалера, если б умела, но тот вел себя так умно и вежливо, что поводов оскорбиться не появлялось. Взгляд Морганы стал тревожным, умоляющим.

Обед получился странный. Ринальдо и Моргана почти не замечали, что отправляют в рот – один был занят ухаживаниями, другая – попытками донести до сознания кавалера, что его внимание неуместно. Руин и Рикардо сумрачно ковырялись в тарелках, им было не до еды. Впрочем, сумрачны они были по разным причинам, но оба – всерьез. Ну а у Спиногрыза были свои проблемы – он все не решался попробовать пиво, хотя этот напиток его серьезно заинтересовал.

Наконец, убедившись, что все пившие пиво до сих пор живы и покосившись на учителя, торопливо налил себе кружку. Проглотил.

– Эй, Спиногрыз, тебе сколько лет? – возмутился Рикардо.

– Да я не помню. А что?

– Пиво можно только с двадцати лет.

– С восемнадцати, – поправил Ринальдо.

– Это у тебя на родине с восемнадцати. У нас по-другому.

– Откуда вы родом, Ринальдо? – хмуро спросил Руин.

– Издалека. Из другого мира.

– Я понимаю. А из какого? Я о нем слышал?

– Вряд ли. Да и какая разница, как он назывался, – сдержанно ответил Ринальдо. – Его уже давно не существует.

Все, смущенные, что разговор случайно коснулся того, чего лучше бы и не касаться, вежливо помолчали несколько мгновений. Под шумок Спиногрыз допил пиво и звучно икнул.

– Извините, – выдавил он.

– И потому ты теперь живешь здесь? – спросил Арман.

Ринальдо лишь пожал плечами.

– Надо же где-то жить.

– И ты имеешь что-нибудь против центритских кланов?

– Ровным счетом ничего. Окажись я тогда на Белой стороне, сейчас воевал бы против Рика. – Лайварро улыбнулся другу. Тот ответил свирепым взглядом. – Сказать по правде, я еще только привыкаю к вашим традициям и нравам. Трудно осваиваться в новом мире. Я уже тридцать лет пытаюсь привыкнуть.

– К чему?

– К законам Черной стороны. К тому, что они называют законом. К принципу вседозволенности, если точнее.

– Что за принцип? – заинтересовалась Моргана.

– Самый простой принцип. Закон на стороне того, кто сильней.

Руин покачал головой.

– Я думал, подобное возможно только в Провале. Что тут можно сказать… Знаете, господа, если закон государства не защищает слабых, такое государство рано или поздно обречено на гибель. Я это понял, когда немного пожил в Асгердане. После Провала – разительный контраст.

– Что ж, я готов согласиться, – осторожно произнес Ринальдо. – Одно лишь под вопросом – насколько быстро настигнет государство эта гибель.

– Так, начались отвлеченные разговоры, – прорычал Алзара. Ни один, ни другой из беседующих мужчин головы в ответ не повернули.

Рикардо раздраженно дернул плечом и отвернулся, делая вид, будто все в порядке. Только тут он заметил, что его ученик, которому на вид было не больше пятнадцати, продолжает тянуть понравившееся пиво из большой стеклянной кружки. Он только-только сдул пену с новой порции и пригубил ее, с любопытством кося глазами на темный напиток. Глаза у него были мечтательные. Алзара подскочил к парнишке и отнял у него кружку.

– Ты что же творишь. А? Сказано – до двадцати лет нельзя.

– Да мне, кажется… – робко возразил Спиногрыз.

– Меньше пить надо, тогда и казаться не будет. – Замечание показалось ему таким остроумным, что он буквально расплылся в довольной улыбке. Взгляд его поблескивал слегка хмельным огоньком – хозяин замка набрался и сам не заметил, как и когда. Он совершенно незаметно для себя и окружающих выпил три полных бокала вина.

– Но, учитель, если я не допью, куда же девать этот волшебный напиток? Неужели обратно в бочонок?

– Обратно нельзя, – назидательно объяснил Рикардо. Задумчиво оглядел остатки пены, а потом осушил кружку.

– Рик, не увлекайся, – предупредил Ринальдо. – У тебя башка слабая.

– Да иди ты к черту! – возмутился тот. – Что ты мне – папа? Мама? Спиногрыз, налей мне еще!

– Да, учитель.

Рикардо быстро выцедил вторую кружку и устремил пристальный взгляд на ученика. Осуждающе воскликнул:

– Да ты, никак, пьян!

Совершенно трезвые глаза Спиногрыза просияли.

– Простите, учитель!

– Вот-вот. Безобразие. Налей-ка еще.

– Рик! – снова вмешался Ринальдо.

– Иди к черту!

– Уф! – Лайварро помотал головой. Взглянул на Моргану, на Руина. – Пойдемте. Все, пошло-поехало. У Рика бывает. От огорчения. Пойдем… Мэрлот! Пришли своих ребят, пусть следят за хозяином, чтоб купаться не полез.

Сперва Ринальдо повел пленников – брата и сестру – по замку: показать, что где в замке можно найти. Показал столовую, спальни, библиотеку, ткнув пальцем в сторону лестницы, ведущей в донжон, объяснил, что туда ходить нельзя, показал скромных размеров бассейн, больше похожий на огромную каменную чашу, наполненную водой, привел и в сад. Но, заметив, что Моргана уже начала шататься от усталости, что она побледнела, а под глазами легли темные круги, Ринальдо повел ее в спальню, где гремлины уже заканчивали застилать постель.

Моргана с облегчением спряталась в ванной, а Ринальдо вопросительно посмотрел на Руина.

– Ну что, теперь тебя отвести в спальню?

– Почему же нет. Отведи.

Лайварро показал Арману приготовленную для него комнату. Молодой маг обратил внимание и на дверь с массивными скобами и засовом снаружи, и на витые решетки на окнах (впрочем, подобные стальные «украшения» подобного

рода защищали все окна замка, исключение составляли лишь огромные окна галерей – там стояли деревянные решетки, и по ним карабкался виноград). И то, и другое напоминало – забывать о том, что он здесь пленник, не следует. Руин прошелся по комнате, потрогал столбики кровати, кованую лампу-бра, куда следовало вставлять свечу, огромный неуклюжий комод с грубыми ручками.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, звучала примерно так: «Да уж, эстетическое чувство эта комната оскорбляет». Разумеется, молодой человек не произнес вслух ничего подобного и даже не поморщился, приоткрыл дверь в ванную, заглянул туда и спугнул группку гремлинов, игравших в городки тюбиками пасты, флакончиками шампуня, баночками жидкого мыла и зубными щетками.

– Там – чистое белье, там – полотенца, – сказал Ринальдо, неопределенно махнув рукой. – Ладно, я тебя оставлю.

– Нет, подожди. Твой приятель мне не пожелал толком отвечать, в чем дело. Может, ты скажешь?

– Да я понимаю еще меньше, – улыбнулся Лайварро. – Ты не волнуйся так. Рик – парень нормальный. Ничего он не сделает твоей сестре. Сестре же? Вы похожи.

– Это все говорят.

– Не сделает. Не тот он парень. Пощечина, полученная от женщины, погружает его в бездны самоуничижения. И потом – он давным-давно влюблен. Его возлюбленной нет в живых, но чувства-то есть. Он мне об этом по пьяному делу не раз говорил. Девушка из твоего клана, кстати.

– Кто же?

– Маргрита Мортимер.

– Она числится пропавшей без вести, – бесстрастно поправил Руин.

– Она уже давно пропала, и ни слуху, ни духу. Если до сих пор не нашлась, так вряд ли теперь найдется.

– Что с того? Мой старший брат вообще считался мертвым и при этом нашелся.

– Это ликвидатор-то?

– Именно.

Улыбка стерлась с лица Ринальдо. Он посмотрел на Руина очень серьезно.

– Вот уж кому точно нельзя попадать в плен. Не выживет.

– Будем надеяться, что ему хватит соображения и удачи не попасться… Скажи, а почему бывший центрит живет здесь, на Черной стороне, ты тоже не знаешь?

– Рик почти ничего не рассказывал. Я лишь знаю, что он, кажется, сильно поссорился с отцом, и вот результат… Ладно. – Лайварро поднял развернутую ладонь. – Болтать можно до бесконечности, а ты уже на ногах не стоишь. Это никуда не годится. Ложись-ка отдыхать. А я пойду попробую уложить Рика. Он, как переберет пива, начинает буянить.

Он кивнул и вышел из комнаты, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Но Руину не спалось. Он заглянул в ванную (гремлины уже успели прибраться и исчезли), ополоснул лицо холодной водой и вышел в коридор. Постоял, вспоминая, где находятся покои сестры. Тихо приоткрыл ее дверь – Моргана спала, завернувшись в одеяло, хотя летом под ним, наверное, было жарко.
В углу копошился гремлин – он пытался протащить в узкий гремлинов лаз огромное скомканное полотенце. Арман плотно закрыл дверь и прогулялся до террасы, но выходить на нее не стал, потому что оттуда доносились голоса Рикардо Алзара и двоих других обитателей замка. Рикардо кричал:

– Лей еще! Лей! Давай! Спиногрыз, ты меня уважаешь?

– Конечно, учитель, – грустно звучало в ответ.

– А ты, Рино? Уважаешь?

– Рик, ты пьяная скотина. Пойдем, я тебя спать уложу.

– Пошел к черту. Я трезв, как… как полено… как колено… в смысле, как стекло. А сейчас мы пойдем купаться!

– Рик, прекрати.

– А все центриты – сволочи. Особенно Алзара и Мортимеры. Жизнь несправедлива. Почему одни – мои родичи, а вторые – самые богатые люди во Вселенной? Это несправедливо. А раз несправедливо, то почему же так? Вот чего я не понимаю, Рино!

– Давай-давай… Пошли баиньки, ты, борец за справедливость.

Руин тихо отступил за угол. Мимо него шныряли гремлины с подносами и кружками, двое протащили почти пустой бочонок. Они потоптались перед лазом, поколебались и понесли бочонок дальше по коридору, наверное на кухню. На человека, пусть даже пленника, они не обращали никакого внимания. Молодой маг пошел за ними, но по пути свернул в библиотеку и посмотрел несколько книг. Походил по замку.

Он то и дело морщился, разглядывая обстановку или интерьер, но на самом деле запоминал расположение комнат, лестниц и зал и старался обратить внимание на любую мелочь, которая могла бы иметь для него значения. В библиотеке он осмотрел все бумаги, лежавшие на письменном столе, прочел письма. Конечно, чужие бумаги читать вроде как считается недостойным, но Руина заботила судьба сестры, и ради нее он считал незазорным поступить так.

Он вынул из конверта и пробежал глазами письмо. Оно было адресовано Рикардо, подписано неким Байремом. Очень кратко, буквально в нескольких строчках, выражалось одобрение молодому магу и его другу, что они так хорошо и добротно составили схемы, расчеты и изготовили опытные образцы отличных, прекрасно действующих блоков с дополнительными свойствами. Далее им поручалось составить схемы приспособлений для выделения и обработки белой магической энергии, а также накопительных кристаллов. В конце следовало напоминание, что старательные маги получили достойную награду за предыдущие усилия (награду в виде права внеочередно выбрать себе двух пленников), и намек, что за успешную, выполненную в кратчайшие сроки работу последует столь же щедрая и достойная награда.

Руин аккуратно свернул письмо и вложил его обратно в конверт. Задумчиво положил на стопку бумаг.

– Ну-ну, Алзара, – произнес он едва слышно. – Ну-ну…

Глава 4

Мэлокайн пришел в себя лишь тогда, когда его от души хлестнули рукой по лицу. Он вздрогнул всем телом, открыл глаза и снова зажмурился – свет ударил по глазам. Его затрясло с такой силой, что застучали зубы. Казалось, будто в лицо направили лампу в тысячу свечей, хотя такое было бы невозможно – он почувствовал бы это до того, как открыл глаза. Лампа в тысячу свечей обжигает лицо.

Он не понимал, где находится, не понимал, что с ним происходит. С огромным трудом Мэл сосредоточился, попытался сообразил, где он сейчас – в Ордене Серых братьев или уже нет, – но тут получил вторую пощечину. Мортимер помотал головой. Сознание медленно прояснялось, туман рассеивался, но видеть он пока еще не начал. Впереди замаячили смутные тени, ему показалось, что кто-то снова замахивается на него, попытался отдернуть голову, но не смог и невольно застонал.

– Что с ним? – прозвучал издалека незнакомый голос.

– Сейчас придет в себя, – ответил другой. Голос уплыл, потом вновь приплыл. – Сейчас, подожди.

– Да что такое?

– Сильное заклинание. Могу сделать инъекцию адреналина.

– Незачем. Вырвется.

– Как он вырвется? Запеленут, словно младенец.

Мэлокайн дернулся и тут же убедился, что сказана была святая истина. Он знал толк в путах и, пошевелившись, почувствовал – руки скручены за спиной, локти притянуты друг к другу, а потом – к телу, ноги спутаны накрепко от лодыжек до колен. В таком состоянии он мог разве что извиваться, будто червяк, и то не слишком – веревки врезались в тело. А потом, когда ощущения стали еще более четкими, Мэл понял – связан он не только веревками. Запястья его были опутаны эластиком – полосой материала, который не докучал коже, не врезался, но зато и выпутаться из него было невозможно, а уж порвать – вовсе немыслимо.

Он открыл глаза и обнаружил, что видит. Его ничто не слепило, лишь на столике возле кровати вполсилы светила лампа, да в окно заглядывал кусочек синего неба. Комната оказалась большая, с тремя высокими окнами, забранными ажурным стальным плетением, которое и решеткой-то не назвать, с роскошными темными портьерами, красиво драпирующими раму. Стены отделаны деревянными панелями, всюду изящная мебель, сам Мэл лежал на мягком диванчике, который был бы удобным, если бы не скрученные руки. На столике рядом с диваном стоял серебряный кубок, от которого приятно пахло хорошим вином.

Над Мэлом склонился огромный мужчина в белом халате, который смотрелся на нем, как передничек на медведе-гризли. Из широких рукавов мускулистые руки выглядывали чуть ли не по локоть, да и ростом он был никак не меньше Мэлокайна. Мужчина в халате бесцеремонно приподнял ликвидатору веко, уверенно надавив, послушал его пульс – в этом жесте чувствовалась выучка врача. «Интересно, к чему медику такая сила? – вяло подумал Мэл. – Мощно вгонять в пациента шприц?»

– Все в порядке, – отметил врач.

– Оставьте нас, – прозвучал бесстрастный женский голос.

Врач коротко кивнул и, еще раз покосившись на пленника, направился к двери. На пороге он обернулся еще разок.

– Сударыня, если вы слишком долго будете держать пленника в путах, он может…

– Я и сама прекрасно знаю это, – последовало в ответ.

Мэлокайн потряс головой и прояснившимся взглядом окинул женщину. Она была стройна, даже, пожалуй, чересчур стройна на его вкус. Он предпочитал женщин фигуристых, которые даже небрежным покроем одежды не могли скрыть ни полной груди, ни широких бедер. У этой же груди, казалось, не было вовсе, а бедра были узки, как у мальчика. И оделась она по-мальчишески. Только длинные завитки волос, выбивающиеся из плотного узла на затылке, однозначно подсказывали, что перед ликвидатором существо женского пола.

Она смотрела на пленника холодно, с легким оттенком отвращения.

– Мэлокайн Мортимер, ликвидатор?

– Кому как не вам, мадам Блюстительница Закона, знать о том, кто я такой, – ответил молодой человек с легкой улыбкой, вспыхивающей в глазах, но не касающейся губ.

Девушка покосилась вниз, на свое запястье, которое обхватывал тонкий браслет, выполненный в виде змейки. Казалось, будто змейка выточена из цельного камня, зеленоватого с золотыми искрами, хотя на самом деле это было не так. Подобные браслеты носили все представители клана Блюстителей Закона как знак своего положения и одновременно оружие. Каждая такая змейка являлась сильнейшим артефактом, она оживала в случае, если ее хозяину грозила опасность или по его приказу и жалила врага. Причем яд ее мог подействовать как сильнейшее снотворное или как парализующее снадобье либо принести мгновенную смерть, и противоядия этому яду не существовало. Никакая магия не могла справиться со змейкой Блюстителя Закона.

– Вы очень наблюдательны, – с досадой сказала она.

– Что вам не нравится?

– Не хами, Мортимер, – прозвучало это очень холодно и с угрозой. Мэл попытался приподняться.

– Не вижу, что обидного вы могли найти в моих словах. И кстати, вы-то знаете мое имя, а я – нет.

Было видно, что девушка делает над собой усилие.

– Тайарна Эмит.

– Очень приятно.

– Я, к сожалению, не могу сказать вам того же.

– Тогда, мадам, рассейте мое недоумение – зачем же в таком случае было так настойчиво приглашать меня в гости?

– А вы считаете, что находитесь в гостях?

– Хм. – Мэл пошевелил плечами. Мышцы напряглись, натянулись веревки, и показалось, что они вот-вот лопнут. Тайарна даже привстала в испуге, но беспокойство оказалось безосновательным – путы выдержали. – Да уж. На хорошее гостеприимство нисколько не похоже. Но Блюстители Закона, кажется, не предъявляли мне ордера на арест.

– Совершенно верно. Потому что, сударь, пока вы не арестованы. Но, возможно, ордер вскоре будет выписан.

– За какое же преступление, сударыня? В чем именно меня хотят обвинить? И что же это за странная вина, которая уже есть на примете, но обвинить в ней еще нельзя? В устах представительницы клана Блюстителей Закона это звучит очень странно.

Тайарна Эмит мучительно покраснела. У нее были глаза совершенно честного человека, искреннее лицо, и Мэлокайн сразу понял, эта девушка – из тех Блюстителей Закона, которые не притворяются и не кривят душой, они и в самом деле верят в то, что строго следуют закону, не допускают никаких отступлений от кодекса и не умеют лгать. Своим смущением она признавала правоту пленника вернее, чем кивком головы. И тем более странным ему показалось его положение. Вот уж, в самом деле, похищение человека – это преступление. Чтоб законники совершали преступления и прекрасно понимали, что они делают, но упорствовали? Где это видано?

– Я… Я ничего не обязана вам объяснять. Хотя вы могли бы быть нам благодарны, что находитесь сейчас здесь… а не на Черной стороне, как все ваши родственники.

Улыбка мгновенно испарилась с его лица.

– Мои родственники? На Черной стороне? Что они там делают?

– Это их дела с черными, – уклончиво ответила Тайарна. Даже не приглядываясь, Мэлокайн отчетливо почувствовал – она скрывает нечто весьма значимое.

– Однако вы в курсе. Не скажете?

– О чем? Я ничего не знаю. И знать не хочу. Но прекрасно знаю, что вы, сударь, браконьерствовали на Черной стороне, и многие тамошние маги на вас весьма злы.

– Я не браконьерствовал, – сухо поправил Мэлокайн. – Я исполнял свои служебные обязанности.

– Вам никто не приказывал работать на Черной стороне.

– Сударыня, есть и спать мне также никто не приказывал. И старушек переводить через дорогу, и отчислять деньги на благотворительность – тоже. Однако это считается гражданским долгом каждого центрита. А вы знаете, что и на Черной стороне встречаются выродженцы, которые весьма опасны?

– Вы издеваетесь?

– Нисколько. В чем вы видите издевку? Разве я неправду говорю?

– Вы не выполняете распоряжения ваших непосредственных начальников, ликвидатор. Для вас это новость? Зачем вы ликвидировали Фрэна Таллара, сына Оры Тиссаи?

– Вы не хуже меня знаете, что он был выродженцем, – негромко ответил Мэлокайн и попытался пошевелиться. Веревки врезались в тело и, несмотря на то что эластик, которым были перевязаны его запястья, не пережимал их, пальцы уже онемели. – Но если вы об этом не знаете и считаете меня убийцей, почему же в таком случае Блюстители Закона не возбудили против меня уголовное дело? Почему не привлекли к ответственности? – Тайарна невольно опустила глаза. – Вы и сами прекрасно знаете, почему так, мадам. Потому что ваш родственник был выродженцем, и я его не убил. Я его ликвидировал. Вы и сами говорите об этом.

Тайарна долго молчала. Так долго, что Мэлокайн успел заметить – у него затекли не только руки, но и ноги.

– Сударыня, может, раз уж такой у нас пошел долгий разговор, вы хотя бы развяжете меня? Я не собираюсь на вас кидаться. У меня вообще нет привычки кидаться на женщин.

Она долго колебалась, поглядывала то на него, то на дверь. Потом наконец неуверенно предложила:

– Я могу развязать вас, если вы пообещаете, что не попытаетесь бежать.

– Очень обтекаемая формулировка. Меня будут держать в плену, а я не буду пытаться сбежать?

– Вы не в плену. Просто… задержаны…

– Хм… Разница как-то ускользает от меня.

– Тем не менее она есть. – К Тайарне вернулось присутствие духа. – Если мы сейчас придем к соглашению, я вас немедленно отпущу.

– А если не придем?

– Вас задержу уже не я. – Тайарна смотрела на ликвидатора исподлобья, весьма мрачно. Она вдруг начала нервничать, отвела глаза, провела ладонями по бедрам, будто они вспотели. – Ладно. Давайте договоримся так – я сейчас вас

развяжу, вы не будете пытаться сбежать, и если мы не придем к соглашению, вы дадите мне связать вас эластиком. Идет?

Мэл задумался, но ненадолго. Уж больно затекли руки.

– Ладно. Идет. И вообще, на мне же блоки. Что вы волнуетесь? В крайнем случае всегда сможете применить магию.

Тайарна подошла, наклонилась над пленником. От нее слабо пахло духами – аромат странный, необычный, но приятный. Ликвидатор заметил, что девушка слегка накрашена – краской тронуты веки и ресницы. До того, как стал жить с Морганой, он не заметил бы этого, хоть убей. Но его сестра и одновременно супруга с таким интересом и восторгом осваивала центритскую косметику, с такой настойчивостью рвалась поделиться с Мэлом своей радостью, посвятить его в женские тайны, что ликвидатор волей-неволей научился замечать подобные мелочи. Особенно если желал заметить. Здесь же сыграло роль то, что Тайарна, похоже, не очень хорошо умела пользоваться косметикой – краску она наложила небрежно.

Она сперва пыталась распутать узлы, а потом просто перерезала веревки. Мэлокайн с облегчением размял запястья, потом икры. Сел на кушетке.

– На столике вино, – сказала девушка, не оборачиваясь. – Можете налить себе.

– Благодарю. Думаю, стоит сперва закончить разговор. Какое же соглашение вы хотели мне предложить?

– Не совсем соглашение. – Тайарна Эмит поджала губы и сразу стала очень официальной. – Я хотела поставить вас в известность, сударь, что в Асгердане запущена в действие Программа генетического преобразования…

– Ну и манера изъясняться у вас, сударыня. Запущена… Что запущено? Программа генетического преобразования?

– Именно.

– Я ничего не понимаю. Почему «генетического»?

– Пожалуй, лучше, если я объясню с самого начала.

– Да, пожалуй…

– Вы как ликвидатор не можете не знать, что вырождение – бич современного общества бессмертных.

– Ну… – с сомнением протянул Мэл. – Тут можно поспорить. Я бы сказал, что в год под колесами автомобилей гибнет куда больше людей, чем я ликвидирую.

– Я прошу вас не перебивать меня. – Тайарна покраснела. – В лабораториях Блюстителей Закона были проведены исследования… Они начались уже давно, не надо фыркать. И было выявлено, что склонность молодого бессмертного к вырождению связана с фактором генетической совместимости его родителей. Вообще этот фактор необычайно важен, он определяет очень многое.

– Что ж, – раздумчиво протянул Мэл. – Я, пожалуй, даже склонен согласиться. Хоть и не на все сто процентов.

– Помолчите, сударь, я еще не закончила. В связи с этим и была запланирована Программа генетического преобразования. Если проще – Генетическая программа.

– То есть…

– Программа по подбору пар. Что тут сложного?

– По подбору пар? Мы что, кролики?

– Кролики или не кролики – ради блага собственного потомства можно пойти и на некоторые неудобства, – зло ответила Тайарна. – Блюстители Закона выделяют тех, чья генетика достаточно хороша, и составляют из них пары. В этих парах бессмертные должны завести одного ребенка. Они могут и не вступать в брак, хотя заключение официального союза все-таки предпочтительно. Но ребенок – обязательно. Наш клан может предоставить бессмертным препараты, провоцирующие овуляцию, и…

– Сударыня, вы хоть понимаете, что говорите?

Мэлокайн привстал на кушетке. Он был неподдельно изумлен. Наибольшее удивление у него вызывало спокойное лицо собеседницы. На его слова она даже не обернулась, осталась стоять боком, делая вид, будто пристально смотрит в окно. На фоне светлого прямоугольника другого окна ее профиль казался вырезанным из темной бумаги, и Мортимер поневоле отметил его правильность, его точеное совершенство.

– Я прекрасно понимаю, о чем говорю.

– А то, что подбор таких вот пар из бессмертных граждан Асгердана противоречит закону, вам не кажется?

– Закон о Программе генетического преобразования был обнародован сегодня утром. То есть три часа назад. Сегодня же он вступит в силу.

Мэл приоткрыл рот. На миг у него округлились глаза, и весь облик его – облик громилы – говорил о непритворном недоумении. Потом он взял себя в руки. Подумал.

– Я вам не верю. Это невозможно.

Это было не совсем так. Он видел ее глаза и понимал, что девушка не лжет. Если бы она принадлежала к какому-нибудь другому клану, он мог бы предположить, что ее ввели в заблуждение, но в данном случае подобного просто не могло быть.

Вместо ответа Тайарна протянула Мортимеру газету. Свежую – та еще пахла типографией. Ликвидатор даже не стал разворачивать – все самое главное было большими буквами написано на первой странице. Прочитав две строки больших черных букв десяток раз, Мэлокайн вернул газету собеседнице. Он и так знал, что заключено внутри – подробное описание программы и множество доказательств, почему она совершенно необходима Асгердану. Доказательства, от которых потягивает запудриванием мозгов.

– Ну? – спросила она, не улыбаясь.

– Я ничего не понимаю. Ладно, важно и полезно. Даже верю. Но существует же конституция, которая гарантирует всем людям, что смертным, что бессмертным, право самим выбирать себе пару… – Он был настолько взволнован, что – неслыханное дело – не смог даже вспомнить формулировку прав и свобод в конституции.

– А ты знаешь, что такое государственная необходимость? – выкрикнула вдруг Тайарна. Она привстала, впиваясь в Мэла взглядом, будто в нем на мгновение воплотилось само вырождение – злейший враг бессмертных. – И даже не государственная необходимость – это судьба всей нации, ее будущее!

Ликвидатор вздрогнул. Из глаз Тайарны на него смотрел овеществленный фанатизм.

Одновременно стало ясно, что она не шутит. Все совершенно серьезно. Сейчас за стенами метрополии Блюстителей Закона бессмертных ставят в известность о том, что им предстоит вступить в связь и завести ребенка с неким неведомым партнером, которого они, возможно, в глаза прежде не видели или наоборот, видели, но ненавидят всем сердцем. Или он им отвратителен. «Вы же порушите огромное количество человеческих судеб», – хотел сказать Мэл, но не сказал. Он и так знал, что собеседница ему ответит. Видимо, то же, что она уже сказала.

Он подумал о том, что сейчас происходит во всех кланах. Кланы так строго соблюдают свою независимость, обособленность… Особенно, наверное, бесятся Эшен Шема, что в переводе означает – Идущие Тропой Истины. Своих девушек и женщин они хранят, как зеницу ока. А Даймены просто волком воют, потому что у любой девушки из их клана может быть только один мужчина – один на всю жизнь. Да и остальным несладко. А Мортимеры… Тут Мэлокайн вспомнил, что его родственников, по словам Тайарны, в Центре просто нет, и почувствовал, что внутри закипает гнев.

– Ну ладно. Допустим, – сдерживаясь, произнес он, стараясь контролировать не только слова, но и тон. – Пусть так. Но что вы сделаете с теми, кто откажется? В тюрьму посадите?

– Нет. Принудим выполнять закон.

– Это как?

– Боюсь, мне скоро придется тебе это объяснить, – сказала Тайарна, в упор глядя на ликвидатора.

От этих слов на Мэлокайна дохнуло угрозой, да, впрочем, на это, наверное, она и рассчитывала.

Ликвидатор насторожился.

– Я внимательно слушаю.

Она подошла к окну и приоткрыла его. В комнату хлынул теплый воздух, накаленный солнцем. «В комнате работает кондиционер», – машинально отметил Мортимер. Мгновенно осознав свою ошибку, Тайарна торопливо закрыла окно и задвинула задвижку. Повернулась к Мэлу. Мужчина заметил, что она смущена и бледна, и даже сделал было движение – поддержать ее, помочь. Но все-таки остался сидеть. Сперва надо было выяснить наконец, что же происходит.

– Я думаю, ты уже мог понять, почему ты здесь. Потому что твое имя значится в списках участвующих в Генетической программе.

– Вы всех участвующих собираетесь именно так приглашать, как пригласили меня?

– Нет. Разумеется, нет. Каждому участнику программы будет отправлена повестка. Он будет обязан явиться…

– А я почему на таком особом положении?

– А ты не понимаешь? – Тайарна вскинула головкой, как породистая кобылица. У нее сияли глаза.

Мэлокайн, конечно, прекрасно понимал, что имеет в виду его собеседница, но умело сделал наивные глаза.

– Нет.

Глаза у девушки потухли. Она поджала губы.

– Ладно. Не хочешь понимать – не надо. Будем говорить по-деловому. Ты – участник программы. Тебе в пару была подобрана я. И сейчас ты… – Она запнулась, покраснела.

Мортимер понял. Он тоже покраснел, надеясь, что его смущение не слишком заметно.

– А варианты есть? – быстро спросил он.

– Ты имеешь в виду, кто еще подобран тебе в качестве варианта? В нашей генетической лаборатории каждому участнику программы подбирают только двух партнеров. Но второй вариант ты вряд ли выберешь.

– Кто же она?

– Аэль Изумрудная Змейка.

– Дракон Ночи? – Мэл подскочил на месте. – Да вы что, офонарели? Девочке четырнадцать лет!

– Тем не менее. Либо я – либо она.

– Хм… Ну а почему бы не Аэль? Подожду, пока она подрастет, и посмотрим – может, поладим…

– Нет. Генетическая программа должна быть осуществлена в течение трех месяцев.

– Тогда какого черта вы включаете в программу четырнадцатилетнюю девочку? – взбесился Мортимер. – Вы, вообще, понимаете, что делаете-то? Что за абсурд? Это противозаконно сразу по десятку статей уголовного и прочих кодексов!

– Не смей повышать на меня голос, – с холодной яростью бросила Тайарна. – Специалисты нашей лаборатории знают, что делают. А требование об

осуществлении программы исходит от нашего патриарха, Бомэйна Даро, представителя высшей власти в Асгердане.

– В самом деле? Как любопытно. А вот меня интересует – что бы на это сказал Совет Патриархов?

– Довольно. Мэлокайн Мортимер, вы собираетесь выполнять требование клана Блюстителей Закона?

– Нет. Разумеется, нет. На каком основании? Где документы? Где повестка, где ордер на арест, санкционированный прокурором? Пока вы не представите мне все эти документы, я буду относиться к ситуации как к плену, а к вашему клану – просто как к клану, а не как к представителям закона.

Девушка топнула ногой. Глаза у нее сузились, губы превратились в узкую полоску, и ярость, которую она испытывала, Мэл чувствовал всем своим существом. Он прекрасно знал, что прав, а собеседнице нечего противопоставить ему. Но ощущение, что, против обычая, апелляция к законности не поможет справиться с Блюстителем, было стойким. Представительница клана не собиралась его отпускать или бежать за нужными бумагами.

– Короче – либо сейчас ты вступишь со мной в соответствующие отношения, либо пеняй на себя.

– Девушка, ну послушайте, вы же довольно красивы. Зачем вам таким способом находить себе партнера? Неужели добровольно никто не соглашается?

– Заткнись, Мортимер. Иначе пожалеешь немедленно.

– Девушка, а вас не учили, что угрозы – уголовно наказуемое деяние?

– Так. – Тайарна, видимо, взяла себя в руки. Голос ее звучал до удивления спокойно. – Слушай меня очень внимательно. Советую не перебивать. Еще одно хамское замечание – и буду действовать на свое усмотрение. Значит, так. Если ты сейчас не сделаешь все добровольно, то сделаешь иначе. Недобровольно.

– Вы меня изнасилуете, сударыня? – Глаза у Мэла округлились. Это выглядело одновременно искренне и комично, но Тайарна не улыбнулась.

– Нет, сударь. Это вы меня изнасилуете. А потом пойдете за это на Звездные каторги.

Мэлокайн приподнял бровь.

– А с чего вы взяли?

– Вы, сударь, не в курсе, что за изнасилование следует жестокое наказание?

– Нет. С чего вы взяли, что я собираюсь применять к вам силу?

Тайарна потянулась к столику и взяла темно-синий футляр. Открыла его. Показала Мэлу. Внутри лежали шприц и три ампулы.

– Вот у этого вещества довольно длинное и сложное название. Но попросту его можно назвать, к примеру, «гормональным взрывом». Когда я сделаю вам инъекцию – а вы совершенно правы, что с помощью магии я в любой миг смогу парализовать вас – вы, сударь, потеряете над собой контроль. И возьмете меня, не интересуясь, хочу я того или нет. А завтра вы будете арестованы по обвинению в изнасиловании. И, поскольку изнасилование в самом деле будет иметь место, да еще в нашей метрополии, доказать это будет очень просто. А следы вещества выводятся из организма в течение двенадцати часов после того, как оно перестает действовать. Эти двенадцать часов вы проведете у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/koval-chuk_igor/cherno-belaya-voyna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити